

Иоганн Волфганг Гете

ГЕЦ ФОН БЕРЛИХИНГЕН С ЖЕЛЕЗНОЙ РУКОЮ

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Император Максимилиан.

Гец фон Берлихинген.

Елизавета — его жена.

Мария — его сестра.

Карл — его малолетний сын.

Георг — его оруженосец.

Епископ Бамбергский.

Придворные епископа:

Вейслинген

Адельгейда фон

Вальдорф

Либетраут

Аббат фульдский.

Олеарий — доктор обоих прав.

Брат Мартин.

Ганс фон Зельбиц.

Франц фон Зикинген.

Лерзе.

Франц — оруженосец Вейслингена.

Прислужница Адельгейды.

Мецлер, Зиферс, Линк, Коль, Вильд — предводители восставших крестьян.

Придворные дамы и кавалеры бамбергского двора.

Имперские советники.

Ратсманы гейльбронские.

Судьи тайного судилища.

Два нюрнбергских купца.

Макс Штумпф — придворный пфальцграфа.

Неизвестный.

Крестьяне:

Тесть

Жених

Рейтары Берлихингена, Вейслингена, епископа Бамбергского.

Начальники, рыцари, латники имперского войска.

Трактирщик.

Служитель суда.

Граждане гейльбронские.

Городская стража.
Тюремный сторож.
Крестьяне.
Предводитель цыган.
Цыгане, цыганки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ШВАРЦЕНБЕРГ ВО ФРАНКОНИИ. ТРАКТИР

Мецлер, Зиферс за столом. Два рейтара у огня. Хозяин.

Зиферс. Еще стакан водки, Гензель, да отмерь по-христиански.

Хозяин. Ненасытная твоя утроба!

Мецлер (*тихо, Зиферсу*). Расскажи-ка еще разок о Берлихингене! Бамбергцы там бесятся, пусть почернеют от злобы.

Зиферс. Бамбергцы? Они здесь зачем?

Мецлер. Вот уже два дня как Вейслинген в замке у господина графа. Они сопровождают его. Не знаю, каким путем он поедет. Они ждут его; он возвратится в Бамберг.

Зиферс. Кто это — Вейслинген?

Мецлер. Правая рука епископа, большой человек, уж он-то Гецу удружит при случае.

Зиферс. Пусть сам держит ухо востро.

Мецлер (*тихо*). Ну-ка, наддай! (*Громко.*) А с каких пор Гец снова в ссоре с епископом Бамбергским? Ведь говорили, что они помирились и все улажено?

Зиферс. Да, с попами помиришься! Когда епископ увидел, что ничего не добьется, небось запросил пощады, шелковый стал, и мировая состоялась. А прямодушный Берлихинген во всем ему уступил. Он всегда так, если ему привалит удача.

Мецлер. Сохрани его господь! Справедливый господин!

Зиферс. Теперь скажи-ка, разве это не подло? Они захватывают его оруженосца врасплох. Ну, зато уж и взгреет он их!

Мецлер. Вот досада, что ему не повезло с последней проделкой! Он, должно быть, здорово рассердился.

Зиферс. Сдается мне, его давно ничто так не сердило. Подумай только — ведь все до точности было разведано: когда епископ поедет с вод, сколько при нем будет рейтаров, какой дорогой. Если б не выдали его лихие люди, устроил бы он епископу баню, намылил бы ему голову!

Первый рейтар. Вы чего болтаете о нашем епископе? Драки захотели?

Зиферс. Занимайтесь своим делом! За нашим столом вам делать нечего!

Второй рейтар. А кто вам позволил так непочтительно выразиться о нашем епископе?

Зиферс. Так я еще должен вам отчет давать? Ну и рожи!

Первый рейтар дает ему в ухо.

Мецлер. Бей собаку!

Бросаются друг на друга.

Второй рейтар. А ну, подойди, коли не трус!

Хозяин (*разнимает их*). Уйметесь вы? Тысяча чертей! Убирайтесь отсюда, если у вас есть из-за чего драться! В заведении моем все должно быть благопристойно и чинно. (*Выталкивает рейтаров за дверь.*) А вы, ослы, что затеваете?

Мецлер. А ты очень-то не лайся, Гензель, а то по башке схлопочешь. Идем, приятель, насажаем им синяков!

Входят два рейтара Берлихингена.

Первый рейтар. Что здесь творится?

Зиферс. Эй! Здорово, Петер! Фейт, здорово! Откуда?

Второй рейтар. Ты только посмей выдать, кому мы служим!

Зиферс (*тихо*). Так, значит, и господин ваш Гец недалеко?

Первый рейтар. Заткни глотку! У вас драка?

Зиферс. Вы там на дворе встретили парней? Так это бамбергцы.

Первый рейтар. Они что здесь делают?

Мецлер. Вейслинген там наверху, в замке у господина графа. Они его сопровождают.

Первый рейтар. Вейслинген?

Второй рейтар (*тихо*). Петер, это — славная находка. (*Громко.*) А давно он здесь?

Мецлер. Два дня уже. Но сегодня он уедет, — так одни из этих молодцов сказал.

Первый рейтар (*тихо*). Говорил я тебе, что он здесь! Если б нам посторожить немножко на другой дороге! Идем, Фейт!

Зиферс. Помогите нам сначала вздуть бамбергцев.

Второй рейтар. Вас и так двое. Нам надо идти. Прощайте.

Уходят.

Зиферс. Экая сволочь эти рейтары — без платы шагу не ступят!

Мецлер. Бьюсь об заклад — они что-то затеяли. Кому они служат?

Зиферс. Этого я не смею сказать. Они служат Гецу.

Мецлер. Ах, так! Ну, а теперь покажем тем, на дворе. Идем, — пока у меня есть дубинка, я их вертелов не боюсь.

Зиферс. Вот бы на князей так ударить, ведь семь шкур они с нас дерут!

КОРЧМА В ЛЕСУ

Гец (*перед дверью, под липой*). Куда девались мои люди? Я должен ходить взад и вперед, чтобы сон не одолел меня. Уже пять дней и пять ночей я в засаде. Да, нелегка достается иному самая малость жизни и свободы. Зато, когда ты будешь в моих руках, Вейслинген, тогда я отведу душу. (*Наливает.*) Опять пусто! Георг! Пока есть вино и отвага, я смеюсь над властолюбием и кознями князей. Георг! Посылайте вашего любезного Вейслингена к сватам и братьям, черните меня! Пусть так! Я на страже. Ты ускользнул от меня, епископ! Так пусть же твой милый Вейслинген расплачивается за тебя! Георг! Оглох, что ли, мальчик? Георг! Георг!

Оруженосец (*в латах взрослого*). Ваша милость!

Гец. Где ты застрял? Спал? Какого черта ты так вырядился? Поди-ка сюда! Наряд пристал тебе. Не стыдись, мальчуган! Ты — молодец! Да, если б они тебе были впору! Это Гансовы латы?

Георг. Он хотел вздремнуть немножко и снял их.

Гец. Он привередливей, чем его господин.

Георг. Не гневайтесь. Я тихонько взял их и надел, потом снял со стены старый отцовский меч, выбежал на луг и обнажил его.

Гец. И стал рубить все кругом? Верно, не поздоровилось кустам и терновнику! Ганс спит?

Георг. Он вскочил на ваш зов и крикнул мне, что вы зовете. Я хотел снять доспех, но услышал, что вы кличете снова и снова.

Гец. Ступай! Снеси ему латы и скажи, что он должен быть наготове, Пусть позаботится о лошадях.

Георг. Я хорошо накормил их и снова взнуздал. Вы можете сесть в седло когда угодно.

Гец. Принеси кувшин вина, дай и Гансу стакан. Скажи ему, чтоб он был бодрым — дело стоит того. Я думаю, мои разведчики вернутся с минуты на минуту.

Георг. Ах, ваша милость!

Гец. Что тебе?

Георг. Мне нельзя с вами?

Гец. В другой раз, Георг. Когда мы будем ловить купцов и забирать обозы.

Георг. В другой раз! Вы всегда так говорите! О, в этот раз, в этот! Я сзади побегу, я в сторонке постою, я буду вам приносить брошенные стрелы.

Гец. В следующий раз, Георг! Тебе надо сначала завести камзол, шишак и дротик.

Георг. Возьмите меня! Если б я был с вами в последний раз, вы не потеряли бы самострела.

Гец. Ты почему знаешь?

Георг. Вы бросили им во врага, один латник поднял его, он и пропал. Видите, я знаю.

Гец. Это тебе мои латники рассказывают?

Георг. Да. Зато когда мы чистим лошадей, я свищу им на все лады и учу их веселым песенкам.

Гец. Ты — молодчина!

Георг. Возьмите меня с собой, чтоб я мог это доказать.

Гец. В следующий раз, даю тебе слово. Ты не вооружен, тебе нельзя в битву. Мужики нужны и будущим временам. Я говорю тебе, мальчик, наступят времена, когда они будут в цене. Князья еще предложат все сокровища свои за человека, которого сейчас ненавидят. Ступай, Георг, отдай Гансу его латы и принеси мне вина.

Георг уходит.

Где это пропадают мои люди? Непонятно! Монах! Этот еще откуда?

Входит брат **Мартин**.

Добрый вечер, честной отец! Откуда так поздно? Муж священного покоя, вид ваш посрамляет многих рыцарей.

Мартин. Благодарю вас, благородный господин. Я всего-навсего смиренный брат, коль уж речь зашла о звании. В монашестве я зовусь Августином, но при крещении меня нарекли Мартином, и это имя мне милей.

Гец. Вы устали, брат Мартин, и, без сомнения, хотите пить!

Входит **оруженосец**.

Вот и вино кстати.

Мартин. Я попрошу лишь глоток воды. Я не смею пить вина.

Гец. Таков обет ваш?

Мартин. Нет, господин мой, обеты мои не возбраняют мне пить вино, но поелику вино возбраняет обеты мои, я и не пью вина.

Гец. Что вы под этим разумеете?

Мартин. Благо вам, что вы не понимаете этого. Пища и питье, думаю я, есть жизнь человека.

Гец. Верно!

Мартин. Когда вы поели и выпили, вы как будто бы родились вновь. Вы стали сильней, смелей, искусней в своем деле. Вино веселит сердце человеческое, а веселие есть мать всех добродетелей. Когда человек вкусит вина, все качества его удваиваются. Ему вдвое легче

думать, он становится вдвое предприимчивее, вдвое скорее осуществляет задуманное.

Гец. Да, когда я выпью, все это так и бывает.

Мартин. О том и речь. Но мы...

Георг входит с водой.

Гец (*Георгу, тихо*). Ступай на Дахбахскую дорогу, приложись ухом к земле, — не слышно ли конского топота, — и тотчас возвращайся назад.

Мартин. Но мы, когда поели и выпили, мы становимся прямою противоположностью того, чем нам надлежит быть. Ленивое пищеварение наше настраивает разум наш по желудку, и в расслаблении чрезмерного покоя рождаются похоти, легко нас одолевающие.

Гец. Один стакан, брат Мартин, не потревожит ваш сон. Вы много прошли сегодня. (*Подносит ему.*) За всех воителей!

Мартин. Во имя божье!

Они чокаются.

Я не выношу тунеядцев. И все-таки нельзя сказать, чтоб все монахи были тунеядцами. Они делают, что могут. Я иду от святого Фейта, где ночевал. Настоятель водил меня в сад: воистину полная чаша. Превосходнейший салат! Не капуста, а услада душевная! А цветная капуста и артишоки такие, каких во всей Европе не сыщешь!

Гец. Так, значит, вас это дело не привлекает. (*Встает, смотрит, не идет ли мальчик, и возвращается.*)

Мартин. Ах, если бы господь создал меня садовником или монастырским собирателем лекарственных трав! Я был бы счастлив. Настоятель мой любит меня — монастырь мой в Эрфурте, в Саксонии, он знает, что я не создан для покоя, и посылает меня всюду, где надо что-нибудь устроить. Я иду к епископу Констанцскому.

Гец. Еще стаканчик! Желаю удачи!

Мартин. Вам того же.

Гец. Что вы так смотрите на меня, брат?

Мартин. Я влюбился в панцирь ваш.

Гец. Он вам нравится? Носить его тяжело и обременительно.

Мартин. А что же не обременительно на сем свете? По мне, самое обременительное — не сметь быть человеком. Бедность, целомудрие и послушание — вот три обета, из которых каждый, взятый в отдельности, кажется наиболее противным природе. Как же невыносимы все они, взятые вместе! И всю жизнь свою безрадостно задыхаются под этим гнетом или под еще более тяжким бременем угрызений совести! О господин мой! Что значат все тягости вашей жизни в сравнении с горестным положением сословия, которое из-за дурно понятого стремления стать ближе к господу отвергает лучшие стремления, какими создается, растет и созревает человек!

Гец. Если бы обеты ваши не были столь священны, я предложил бы вам надеть доспехи, дал бы коня, и мы б отправились вместе.

Мартин. О, если б господу было угодно даровать плечам моим силу снести тяжесть доспехов и руке моей — мощь, дабы сбить с коня врага! Бедная, слабая рука, ты издавна привыкла носить крест и мирную хоругвь да махать кадилом, тебе ли владеть копьем и мечом? Мой голос, пригодный лишь для «Ave» и «Аллилуйя», был бы для врага глашатаем моей немощи, тогда как ваш заранее побеждает его. Нет, обеты не смогли бы помешать мне вновь вступить в орден, учрежденный создателем моим!

Гец. Счастливого возвращения!

Мартин. Я пью лишь за ваше. Возвращение в мою клетку — всегда несчастье. Когда вы, господин мой, возвращаетесь под кров ваш с сознанием вашей храбрости и силы, их не может победить и сама усталость! Когда вы впервые за долгий срок в безопасности от

нападения врага и безоружный простираетесь на ложе и вас одолевает сон, который вам слаще, чем для меня глоток воды после долгой жажды, тогда вы можете говорить о счастье.

Гец. Зато это редко случается.

Мартин (*страстно*). Но когда случается — это предвкушение небесного блаженства. Вы возвращаетесь, обремененный добычей врагов ваших, и припоминаете: «Этого копьё мое сбilo с седла ранее, чем он успел выстрелить, того я поверг на землю вместе с конем его», — и вот вы подъезжаете к вашему замку...

Гец. И что же?

Мартин. А жены ваши! (*Наливает.*) За здоровье супруги вашей! (*Вытирает глаза.*) Ведь она есть у вас?

Гец. Благородная, прекрасная женщина.

Мартин. Счастлив муж добродетельной жены и число дней его сугубое. Я не знаю женщин, хотя женщина была венцом творения!

Гец (*про себя*). Мне жаль его! Сознание своего звания разрывает ему сердце.

Георг (*вбегает*). Господин! Я слышу коней — вскачь! Двоих! Это, наверное, они.

Гец. Выведи моего коня. Пусть Ганс сядет в седло. Прощайте, дорогой брат, да сохранит вас господь! Будьте мужественны и терпеливы. Бог не оставит вас.

Мартин. Я хотел бы знать ваше имя.

Гец. Извините меня. Прощайте! (*Подает ему левую руку.*)

Мартин. Зачем даете вы мне шуйцу? Или я не достоин рыцарской десницы?

Гец. Вы должны были удовольствоваться ею, даже если б были императором. Моя десница, правда, в бою не бесполезна, но к дружескому пожатию она не чувствительна — она слилась воедино с перчаткой, а перчатка, как видите, железная.

Мартин. Так вы — Гец фон Берлихинген! Благодарю тебя, господи, что ты сподобил меня узреть сего мужа, которого ненавидят князья и к которому прибегают все угнетенные! (*Берет его правую руку.*) Дайте мне эту руку, дайте мне облобызать ее!

Гец. Не надо.

Мартин. Дайте! О мертвое орудие, оживленное надеждой благороднейшего духа на господя, ты драгоценней священных мощей, в коих святая струилась кровь!

Гец надевает шлем и берет копьё.

Долгое время жил у нас монах, который посещал вас после того, как при Ландсгуте вы лишились руки. Я никогда не забуду его рассказов о том, сколько вы перестрадали, как тяжело вам было увечье это, мешающее вашему призванию, и как, наконец, прослышали вы об одном человеке, который имел лишь одну руку и все-таки долго был храбрым рейтаром.

Входят два латника. Гец обращается к ним. Они тайно переговариваются.

(*Продолжая.*) Я никогда не забуду, как он в благороднейшем, чистосердечнейшем уповании на господя сказал: «Если б я имел двенадцать рук, но милость твоя отвратилась бы от меня, на что бы они мне послужили? Теперь же я могу и *одною*...»

Гец. Значит, в Гослохский лес. (*Оборачивается к Мартину.*) Прощайте, достойный брат Мартин. (*Целует его.*)

Мартин. Не забывайте меня, как я вас не забуду.

Гец уходит.

Как сжалось мое сердце, когда я увидел его. Он не промолвил ни слова, но дух мой признал его. Лицезреть великого мужа — душе отрада.

Георг. Вы ночуете у нас, святой отец?

Мартин. Найдется ли мне постель?

Георг. Нет, господин! Я знаю о постелях только понаслышке, в нашей корчме нет

ничего, кроме соломы.

Мартин. И на том спасибо! Как тебя зовут?

Георг. Георгом, снятой отец!

Мартин. Георгом! Значит, у тебя храбрый святой.

Георг. Говорят, он был рыцарем, я тоже хочу быть рыцарем.

Мартин. Постой! *(Вынимает молитвенник и дает оруженосцу образок.)* На#769; тебе его. Следуй его примеру, будь храбр и бойся бога. *(Уходит.)*

Георг. Какой прекрасный белый конь! Вот бы мне такого! И вооружение золотое! А здесь отвратительный дракон. Теперь я стреляю воробьев. Святой Георг! Сделай меня большим и сильным, дай мне копье, доспех и коня — и пусть тогда попробуют сунуться драконы!

ЯКСТГАУЗЕН. ЗАМОК ГЕЦА

Елизавета, Мария, Карл — маленький сын Геца.

Карл. Пожалуйста, милая тетушка, расскажи мне еще раз о добром мальчике. Уж очень это хорошо.

Мария. Лучше ты мне расскажи, плутишка, увидим, внимательно ли ты слушал.

Карл. Чутьочку подожди, я думаю. Жил-был однажды... да, жил-был однажды мальчик... и его мать заболела... и вот он пошел...

Мария. Да нет же. И мать ему сказала: «Милый мальчик...»

Карл. «...я больна...»

Мария. «...и не могу выйти...»

Карл. И дала ему денег и сказала: «Поди и купи себе завтрак». Тут пришел нищий...

Мария. Мальчик пошел и встретил по дороге старика, он был... Ну, Карл!

Карл. Он был... старый.

Мария. Ну конечно! Он еле передвигал ноги и сказал: «Милый мальчик...»

Карл. «...подай мне что-нибудь: я ничего не ел ни вчера, ни сегодня». Тут мальчик отдал ему деньги...

Мария. ...которые ему дали на завтрак...

Карл. Тогда старик сказал...

Мария. Тогда старик взял мальчика...

Карл. ...за руку и сказал... и превратился вдруг в сияющего прекрасного святого и сказал: «Милое дитя...»

Мария. «За твое милосердие награждает тебя через меня мать божья: тот больной, которого ты коснешься...»

Карл. «...рукою...» Я думаю, это была правая рука.

Мария. Да.

Карл. «...тот тотчас выздоровеет».

Мария. Мальчик побежал домой и от радости не мог слова вымолвить.

Карл. Он бросился матери на шею и заплакал от радости.

Мария. Тут мать воскликнула: «Что со мной?» И вдруг... Ну, Карл!

Карл. И вдруг... и вдруг...

Мария. Вот ты уже и не слушаешь! И вдруг выздоровела. И мальчик врачевал королей и императоров и сделался так богат, что построил большой монастырь.

Елизавета. Не могу понять, где мой господин. Пять дней и пять ночей нет его, а он надеялся быстро покончить со своим делом.

Мария. Меня это уже давно беспокоит. Если б у меня был муж, который вечно подвергает себя опасности, я б умерла в первый же год брака.

Елизавета. Благодарю бога, что он создал меня более твердой.

Карл. А разве отец должен уезжать, если это так опасно?

Мария. Это его добрая воля.

Елизавета. Он должен, милый Карл.

Карл. Почему?

Елизавета. Ты помнишь, зачем он ездил в прошлый раз, когда привез тебе гостинца?

Карл. А теперь он мне привезет что-нибудь?

Елизавета. Ну конечно. Видишь ли, один портной из Штутгарта — меткий стрелок из лука — выиграл первый приз на состязании стрелков в Кельне.

Карл. И много он выиграл?

Елизавета. Сто талеров. А ему не хотели их отдать.

Мария. Ну, разве это не гадко, Карл?

Карл. Гадкие люди.

Елизавета. Тогда портной пришел к твоему отцу и попросил, чтобы он помог ему выручить деньги. Твой отец поехал и захватил двух кельнских купцов и томил их до тех пор, пока они не выдали деньги. Разве ты бы не поехал?

Карл. Нет! Ведь надо проезжать через густой-густой лес, а там цыгане, ведьмы.

Елизавета. Большой парень, а боишься ведьм.

Мария. Ты сделаешь лучше, Карл, если будешь жить в своем замке благочестивым, христианским рыцарем. В своих владениях можно найти достаточно случаев для благотворительности. Во время набегов даже самые честные рыцари творят больше несправедливости, чем правды.

Елизавета. Сестра, ты говоришь, не думая. Дай бог, чтобы и наш мальчик стал с годами храбрее и не напоминал бы Вейслингена, который так вероломно поступает с моим мужем.

Мария. Не будем спорить, Елизавета. Мой брат очень раздражен, и ты тоже. В этом деле я только зритель и потому могу судить беспристрастнее.

Елизавета. Ему нет оправдания.

Мария. То, что я о нем слышала, расположило меня в его пользу. Да разве муж твой не рассказывал о нем сам столько хорошего? Как счастливо протекала их юность, когда оба они были пажамы маркграфа!

Елизавета. Пусть так. По сказки мне, что может быть хорошего в человеке, который преследует своего лучшего, вернейшего друга, продает услуги свои врагам моего мужа и лживыми, искажающими дело наветами старается привлечь на свою сторону нашего доброго императора, который всегда был к нам так милостив!

Карл. Отец! Отец! Дозорный на башне трубит песенку: «Гей, да отпирай ворота!»

Елизавета. Он вернулся с добычей.

Входит рейтар.

Рейтар. Мы с охоты. Мы с добычей! Здравствуйте, благородные дамы!

Елизавета. Вейслинген захвачен?

Рейтар. Захвачен. И с ним три рейтара.

Елизавета. Как вышло, что вы так замешкались?

Рейтар. Мы подстерегали его между Нюрнбергом и Бамбергом. Он все не ехал, а мы знали, что он в пути. Наконец мы выследили его — он проехал стороной и сидел себе спокойно у графа в Шварценберге.

Елизавета. Они б и его хотели сделать врагом моего мужа.

Рейтар. Я тотчас донес об этом господину. На коней! И мы помчались в Гослохский лес. Тут так странно вышло: скачем мы ночью через лес и видим — пастух пасет свое стадо. Вдруг, откуда ни возьмись, пять волков, да как примутся за овцу. Тогда господин наш засмеялся и сказал: «Это к добру, дорогие товарищи. Всем удача, и нам удача!» И мы обрадовались хорошей примете. В это время выезжает Вейслинген с четырьмя рейтарами.

Мария. Сердце мое трепещет.

Рейтар. Я и товарищ мой по приказанию господина прижались к нему так, точно приросли — он не мог ни двинуться, ни шелохнуться, а господин наш и Ганс ударили на рейтаров и захватили их. Один ускользнул.

Елизавета. Любопытно взглянуть на него. Они скоро здесь будут?

Рейтар. Они скачут по долине, через четверть часа будут здесь.

Мария. Он, должно быть, очень подавлен.

Рейтар. Да, смотрит невесело.

Мария. Мне будет больно взглянуть на него.

Елизавета. Ах! Я пойду займусь стряпней. Все вы, верно, проголодались?

Рейтар. Так точно!

Елизавета. Возьми ключ от погреба и принеси лучшего вина. Они его заслужили.

(Уходит.)

Карл. Я пойду с тобой, тетя.

Мария. Идем, мальчик.

Уходят.

Рейтар. Ну, этот не в отца, а то пошел бы со мной на конюшню.

Гец. Вейслинген. Рейтары.

Гец *(кладет на стол шлем и меч).* Расстегните мне латы и подайте камзол. Приятен домашний уют. Ты был прав, брат Мартин. Вы загоняли нас, Вейслинген.

Вейслинген, не отвечая, ходит взад и вперед.

Будьте повеселей! Снимайте доспехи! Где ваше платье? Я надеюсь, что все цело. *(Слуге.)* Позовите его слуг и развяжите тюки, да смотрите, чтоб ничего не пропало. Я могу сам одолжить и мое платье.

Вейслинген. Оставьте меня, мне все равно.

Гец. Я могу вам дать красивое свежее платье. Правда, оно полотняное. Мне оно стало узко. Я был в нем на свадьбе всемиловейшего господина нашего — пфальцграфа, тогда еще ваш епископ так разгневался на меня. За две недели перед тем я потопил на Майне две его барки. Поднимаюсь я в трактире «Олень» в Гейдельберге с Францем фон Зикингеном по лестнице. Почти в самом конце ее есть площадка с железными перильцами. На ней и стоял епископ и подал руку Фрацу, когда тот проходил, а затем и мне, когда я прошел за ним следом. Я усмехнулся про себя, подошел к ландграфу Ганаускому — очень я его любил! — и сказал: «Епископ подал мне руку, бьюсь об заклад, что он не узнал меня». Епископ услышал, — я нарочно говорил громко, — подошел к нам с высокомерным видом и сказал: «Вы правы, я подал вам руку только потому, что не узнал вас». А я ему на это: «Господин мой, я и сам догадался, что вы не узнали меня, можете взять ваше рукопожатие обратно». Тут человек этот от злости покраснел как рак и побежал жаловаться пфальцграфу Людвигу и князю Нассаускому. Мы потом часто потешались, вспоминая об этом.

Вейслинген. Пожалуйста, оставьте меня одного.

Гец. Но отчего же? Успокойтесь, прошу вас. Вы в моей власти, а я не злоупотребляю ею.

Вейслинген. Этого я и не боюсь. Ведь это ваш рыцарский долг.

Гец. И вы знаете, что он священен для меня.

Вейслинген. Я в плену, остальное мне безразлично.

Гец. Вы не должны так говорить. Если бы вы имели дело с князьями, они б посадили вас на цепь в глубоком подземелье и сторож не давал бы вам уснуть своими свистками.

Входят слуги с платьем. Вейслинген переодевается. Входит **Карл.**

Карл. Доброго утра, отец!

Гец (*целует его*). Доброго утра, мальчуган. Ну, что ты поддельвал?

Карл. Я очень хорошо вел себя, отец! Тетя сказала, что я умница!

Гец. Вот как!

Карл. Ты мне привез что-нибудь?

Гец. На этот раз не привез.

Карл. А я много учился.

Гец. Да ну?

Карл. Хочешь, я тебе расскажу о добром мальчике?

Гец. После обеда...

Карл. А я еще кое-что знаю.

Гец. Что б это было?

Карл. Якстгаузен — селение и замок на Яксте — уже двести лет принадлежит господам фон Берлихингенам по праву наследия и собственности.

Гец. А ты знаешь господина фон Берлихингена?

Карл в недоумении смотрит на него.

(*Про себя.*) Он, пожалуй, от большой учености и отца не признает. Кому принадлежит Якстгаузен?

Карл. Якстгаузен — селение и замок на Яксте...

Гец. Я не об этом спрашиваю. Я знал каждую дорогу, каждую тропинку, каждый брод, прежде чем узнал, как зовется река, селение и замок. Мать на кухне?

Карл. Да, отец. Она готовит брюкву и баранину.

Гец. Ты и это знаешь, кухонных дел мастер?

Карл. А мне тетя на сладкое испекла яблоко.

Гец. А сырого ты не можешь съесть?

Карл. Так вкусней.

Гец. Тебе всегда надо что-нибудь особенное. Вейслинген! Я сейчас вернусь к вам. Мне все-таки надо повидать жену. Идем, Карл.

Карл. Это что за человек?

Гец. Поклонись ему, попроси его быть повеселее.

Карл. Эй, человек! Право, развеселись! Скоро обед поспеет.

Вейслинген (*берет Карла на руки и целует*). Счастливое дитя! У него одна печаль, что суп запоздал. Дай бог, чтоб мальчик этот доставил вам много радостей, Берлихинген.

Гец. Где ярче свет, там гуще тени, но я и на это согласен. Ну, пойдем, посмотрим, как там.

Они уходят.

Вейслинген. О, если б я проснулся и все оказалось бы сном! Во власти Берлихингена! Я едва освободился от него, я как огня боялся мысли о нем, я надеялся его одолеть. А он — прежний, верный Гец! Боже правый, чем все это кончится? Вот ты и вернулся, Адельберт, в ту залу, где мы играли детьми, ты дорожил им тогда, ты любил его, как душу свою. Кто может, приблизясь к нему, ненавидеть его? Ах! Я чужой здесь. Ты прошло, счастливое время, когда у камина еще сидел старый Берлихинген, а мы играли вокруг него и любили друг друга, как ангелы. Как будет беспокоиться епископ и мои друзья! Я знаю — вся страна сочувствует моему несчастью. Что мне в том! Разве они могут мне дать то, к чему я стремлюсь?

Гец (*с бутылкой вина и кубками*). Пока еда будет готова, мы выпьем. Идите сюда, садитесь, будьте как дома! Подумайте, ведь вы снова у Геца. Давно мы уже не сживали вместе, давно вместе не осушали бутылки. (*Подносит ему.*) Ну, с легким сердцем!

Вейслинген. Те времена прошли.

Гец. Боже сохрани! Правда, нам не дожидаться лучших дней, чем те, когда мы были неразлучны днем и ночью при дворе маркграфа. Я с радостью вспоминаю мою юность. Вы еще помните, как я повздорил с поляком, когда нечаянно заехал рукавом в его завитые и напозаженные локоны?

Вейслинген. Это было за столом, и он бросился на вас с ножом.

Гец. Я тогда здорово отколотил его, а вы из-за этого поссорились с его приятелем. Мы всегда честно держались заодно, как и подобает добрым и смелым ребятам. За это все и признавали нас. *(Наливает и подносит ему.)* Кастор и Поллукс! Сердце мое всегда радовалось, когда маркграф так называл нас.

Вейслинген. Это придумал епископ Вюрцбургский.

Гец. Он был ученый муж и добрейший человек вместе с тем. Я до конца жизни буду помнить, как он ласкал нас, как хвалил наше единодушие и звал счастливым человеком того, который был близнецом его друга.

Вейслинген. Довольно об этом!

Гец. Почему же? После трудов для меня нет ничего приятнее воспоминания о прошлом. В самом деле, подумать только, что мы делили когда-то радость и горе, были всем друг для друга! Я воображал, что так будет всю жизнь! Когда при Ландсгуте я лишился руки, разве не было моим единственным утешением то, что ты ходил за мной и заботился обо мне больше, чем брат родной. Я надеялся, что в будущем моей правой рукою станет Адельберт. А теперь...

Вейслинген. О!

Гец. Если б ты послушал меня и поехал вместе в Брабант, когда я звал тебя, все осталось бы по-старому. Тебя удержала эта несчастная придворная жизнь, тебе понравилось слоняться без дела и расшаркиваться перед женщинами. Я всегда говорил тебе, что если ты будешь водиться с пустыми, противными бабами и болтать с ними о неудачных браках, об обольщенных девушках, о мозолях и вообще обо всем том, что им любо слушать, то ты станешь шалопаем, Адельберт, я всегда это говорил.

Вейслинген. К чему все это?

Гец. Видит бог, я б хотел или забыть все, или чтобы это было не так. Свободой и благородством рождения ты равен лучшим сынам Германии, ты независим, ты подчинен лишь императору, зачем же ты принижаешь себя до уровня вассала? Что тебе епископ? Он сосед твой? Он может напасть на тебя? А разве у тебя нет рук, нет друзей, чтобы отплатить ему? Ты забываешь свое достоинство свободного рыцаря, который зависит лишь от бога, императора и самого себя! Ты из кожи лезешь вон, чтобы занять место придворного шаркуна при своенравном и завистливом попе!

Вейслинген. Позволь мне сказать.

Гец. Что ты можешь сказать?

Вейслинген. Ты смотришь на князей, как волк на пастухов. И все-таки посмеешь ли ты порицать их за то, что они защищают свои владения и достояние своих подданных? Разве они хоть на мгновение бывают в безопасности от рыцарей-самоуправцев, которые нападают на их подданных у каждого перекрестка, опустошают селения и замки? С другой стороны — земли дражайшего императора нашего находятся по власти заклятого врага; император требует помощи от всех сословий, а они едва могут защитить свою жизнь. Разве не добрый гений внушает князьям желание подумать о средствах успокоить Германию, водворить право и справедливость, дать всем — и большим и малым — возможность наслаждаться выгодами мира? И ты нам ставишь в вину, Берлихинген, что мы ищем защиты у них, чья помощь нам ближе, нежели далекая от нас императорская власть, которая не в силах защитить себя самое.

Гец. Да! Да! Все понятно! Вейслинген, будь князья такими, какими вы их изображаете, то у нас было бы все, чего мы жаждем. Покой и мир! Я думаю! Их жаждет и хищная птица, чтоб на свободе пожирать добычу. Всеобщее благо! Ну, от этой заботы они не поседеют! А какую непристойную игру ведут они с нашим императором. Намерения его прекрасны, и стремления его еще лучше. И вот что ни день — является новый знахарь и предлагает лечить

так и эдак. А так как господин наш все быстро схватывает и ему достаточно слово сказать, чтоб тысячи рук пришли в движение, то он и воображает, будто выполнит все так же легко и быстро. И вот издается приказ за приказом, и все они тут же забываются, а что князьям на пользу, того они и держатся и прославляют спокойствие и безопасность империи, попирая ногами меньшую братию. Готов поклясться, что кое-кто в глубине души благодарит бога за то, что турок насаждает на императора.

Вейслинген. Вы смотрите на это по-своему.

Гец. Так поступает каждый. Вопрос в том, на чьей стороне свет и правда, а ваши дела, говоря мягко, боятся дневного света.

Вейслинген. Вы все можете говорить, я — пленник.

Гец. Если совесть ваша чиста, вы — свободны. Но как обстояло дело с договором о земском мире? Я помню, как еще шестнадцатилетним мальчиком я был с маркграфом на сейме. Сколько князья там горланили, а духовные владыки — больше всех! Ваш епископ все уши прожужжал императору, будто чудо свершилось, и он вдруг всем сердцем возлюбил справедливость; а теперь он захватил моего оруженосца в ту пору, когда ссора наша уладилась и я не помышлял о зле. Разве мы не помирились? На что ему оруженосец?

Вейслинген. Это произошло без его ведома.

Гец. Отчего же он его не отпускает?

Вейслинген. Он вел себя не так, как должно.

Гец. Не так, как должно? Готов присягнуть, что он вел себя как должно, и это так же верно, как то, что он захвачен с ведома епископа и вашего. Вы думаете, я только сегодня на свет родился и не понимаю, что к чему?

Вейслинген. Вы подозрительны и судите несправедливо.

Гец. Вейслинген, могу я говорить напрямик? Как я ни мал, но я сучок в вашем глазу, так же, как Зикинген и Зельбиц. Все это потому, что мы твердо решили лучше умереть, чем быть обязанными жизнью кому-либо, кроме бога, или служить верой и правдой кому-либо, кроме императора. Вот они и обхаживают меня и стараются очернить в глазах его величества, его друзей и моих соседей и шпионят за мной ради своих целей. Хотят убрать меня с дороги во что бы то ни стало. Потому-то вы и взяли в плен моего оруженосца, ибо знали, что он послан мною на разведку. Потому и поступил он не так, как должно, ибо не предал меня вам. А ты, Вейслинген, ты — их орудие!

Вейслинген. Берлихинген!

Гец. Ни слова об этом больше! Я враг объяснений — обманываешь или себя, или другого, а большей частью — обоих.

Карл. Кушать подано, отец!

Гец. Приятная весть! Идемте! Надеюсь, мои женщины развеселят вас. Прежде вы были большим их поклонником и у девиц было что о вас порассказать. Идемте!

Уходят.

В ЕПИСКОПСКОМ ДВОРЦЕ В БАМБЕРГЕ. СТОЛОВАЯ

Епископ Бамбергский, аббат фульдский, Олеарий, Либетраут, придворные.

Все сидят за столом. Вносят десерт и вино в больших бокалах.

Епископ. Много ли немецких дворян обучается теперь в Болонье?

Олеарий. Есть и дворяне и бюргеры. И, не хвастаясь, могу сообщить, что они заслужили себе там отменную похвалу. Речение — «прилежен, как немецкий дворянин», — вошло в университете в поговорку. Так как бюргеры прилагают похвальные усилия к тому, чтобы дарованиями возместить низость происхождения, то и дворяне, в похвальном соревновании с

ними, стремятся возвысить прирожденное достоинство блестящими заслугами.

Аббат. Каково!

Либетраут. Скажите! Чего только не бывает на свете! «Прилежен, как немецкий дворянин!» Никогда в жизни этого не слышал!

Олеарий. Да, они — предмет удивления для всего университета. Некоторые из них — старейшие и способнейшие — вскоре вернутся сюда докторами. Император с радостью даст им лучшие места.

Епископ. За этим дело не станет.

Аббат. К примеру, не знаете ли вы одного молодого дворянина? Он из Гессена.

Олеарий. Там много гессенцев.

Аббат. Его зовут... он... Из вас никто его не знает? Его мать была урожденная... Ох! Его отец был кривой на один глаз и маршал.

Либетраут. Фон Внльденгольц?

Аббат. Правильно! Фон Вильденгольц.

Олеарий. Его я хорошо знаю. Он — молодой человек с большими дарованиями. Особенно славится стойкостью на диспутах.

Аббат. Это у него от матери.

Либетраут. Но муж никогда не прославлял ее за это.

Епископ. Как, говорите вы, зовут того императора, который написал ваш *Corpus iuris*¹.

Олеарий. Юстиниан.

Епископ. Достойный государь! За его здоровье!

Олеарий. Вечная память ему!

Пьют.

Аббат. Должно быть, это замечательная книга.

Олеарий. Ее можно именовать книгою книг, она — собрание всех законов, — на каждый случай готов приговор, то же, что устарело или стало нелепым, восполняется глоссами, коими ученыйшие мужи украсили это превосходнейшее произведение.

Аббат. Собрание всех законов! Тьфу ты пропасть! Значит, там есть и все десять заповедей?

Олеарий. *Implicite*, конечно, но не *explicite*.

Аббат. Я это и подразумевал — сами по себе и без дальнейших экспликаций.

Епископ. Но, по-вашему, лучше всего то, чтобы в государстве, где его введут и будут соблюдать неукоснительно, был обеспечен полный покой и мир?

Олеарий. Без сомнения.

Епископ. За докторов прав!

Олеарий. Я сумею почтить их.

Пьют.

Дай бог, чтобы и на моей родине говорили то же!

Аббат. Вы откуда, ученейший муж?

Олеарий. Из Франкфурга-на-Майне, ваше преподобие.

Епископ. А разве вы, господа, там не в чести? Как это случилось?

Олеарий. Удивительное дело! Я приезжал туда получить отцовское наследство, а когда чернь прослышала, что я юрист, то чуть камнями меня не побила.

Аббат. Не приведи, господи!

Олеарий. А всё оттого, что в суде шоффенов, уважаемом повсеместно, судейские места

¹ Свод законов (*лат.*).

заняты исключительно людьми, не знакомыми с римским правом. Считается достаточным точное знание внутреннего и внешнего положения города, приобретенное путем опыта и долгой жизни. Вот горожан и крестьян и судят на основании старых обычаев да немногих статутов.

Аббат. А ведь это хорошо.

Олеарий. Но далеко не достаточно. Жизнь человеческая коротка, в одном поколении все казусы встретиться не могут. Собранием таких случаев за многие столетия и являются наши книги законов. Кроме того, воля и мнения человеческие крайне неустойчивы. Что сегодня одному кажется правильным, то другой назавтра будет порицать; таким образом, замешательство и несправедливость неизбежны. Все это определяют законы; и законы — неизменяемы.

Аббат. Конечно, это лучше.

Олеарий. Чернь того не признает; она, правда, падка до новшеств, но те новшества, которые хотят выбить ее из старой кожи, ненавистны ей даже тогда, когда они ведут ко благу. Они ненавидят юриста, точно смутьяна или карманника, и приходят в бешенство, если он захочет обосноваться среди них.

Либетраут. Так вы из Франкфурта! Меня там хорошо знают. При коронации императора Максимилиана мы кое-чем полакомились раньше ваших женихов. Вас зовут Олеарий? Я там не знавал никого с таким именем.

Олеарий. Отца моего звали Эльман. Но мне было неудобно начертать имя это на латинских моих писаниях, и, чтобы избежать этого, я, по примеру и совету достойных учителей моих, назвался Олеарием.

Либетраут. Вы прекрасно сделали, что перевели свое имя. Несть пророка в отечестве своем. На отечественном языке с вами случилось бы то же самое.

Олеарий. Я руководствовался не этой причиной.

Либетраут. На все бывает две причины.

Аббат. Несть пророка в отечестве своем.

Либетраут. А вы знаете почему, ваше преподобие?

Аббат. Потому что он там родился и воспитывался.

Либетраут. Правильно. Это одна причина. А вот другая — при ближайшем знакомстве с некими господами исчезает ореол достопочтенности и святости, который мерцал нам из туманной дали, и остается жалкий сальный огарочек.

Олеарий. Вы, кажется, подрядились изрекать истины.

Либетраут. Что на уме, то и на языке. За словом в карман не полезу.

Олеарий. А за умением сказать его кстати?

Либетраут. Банки кстати, если действуют.

Олеарий. Банщика узнают по переднику, и тогда никто не ставит ему в вину его звания. Вы бы из предосторожности носили шутовской колпак.

Либетраут. А вы где получали ученую степень? Спрашиваю на случай, если мне придет охота исполнить ваш совет. Так чтобы попасть в надлежащее место.

Олеарий. Вы нахал!

Либетраут. А вы хвастун!

Епископ и аббат смеются.

Епископ. Давайте о другом! Не горячитесь, господа! За столом не всякое лыко в строку. Заведи разговор о другом, Либетраут!

Либетраут. Возле Франкфурта есть урочище, зовется Саксенгаузен...

Олеарий (*епископу*). Что говорят о турецком походе, ваше преосвященство?

Епископ. Для императора сейчас важнее всего умиротворить государство, прекратить раздоры и укрепить уважение к суду. Тогда, говорят, он лично двинется против врагов империи и христианства. Сейчас для него еще много дела с внутренними раздорами, и

империя, несмотря на сорок договоров о земском мире, все еще остается вертепом разбойников. Франкония, Швабия, Верхний Рейн и смежные с ними земли разоряются дерзкими и надменными рыцарями. Зикинген, Зельбиц одноногий, Берлихинген с железною рукою издеваются в этих краях над имперскою властью.

Аббат. Да, если его величество за них не примется, эти молодцы и до нас доберутся.

Либетраут. А кто-нибудь из этих молодцов доберется и до фульдской винной бочки.

Епископ. В особенности последний из них — с давних пор мой непримиримый враг и несказанно докучает мне, но я надеюсь, что теперь уже это недолго будет тянуться. Резиденция императора находится сейчас в Аугсбурге. Мы приняли меры, и неудачи быть не может. Вы знаете Адельберта фон Вейслингена, господин доктор?

Олеарий. Нет, ваше преосвященство.

Епископ. Если вы дождетесь его прибытия, то будете иметь удовольствие встретить в одном лице благороднейшего, разумнейшего и любезнейшего из всех рыцарей.

Олеарий. Должно быть, он — человек исключительный, если заслужил подобные похвалы из таких уст.

Либетраут. Он не обучался ни в каком университете.

Епископ. Мы это знаем.

Двое слуг бегут к окну.

Что там?

Слуга. Фербер, рейтар Вейслингена, только что въехал в ворота замка.

Епископ. Узнайте, с какими он вестями, вероятно, он расскажет о Вейслингене.

Либетраут уходит. Все встают и пьют снова. **Либетраут** возвращается.

Какие новости?

Либетраут. Я хотел бы, чтоб их принес другой. Вейслинген в плену.

Епископ. О!

Либетраут. Берлихинген захватил его с тремя рейтарами при Гослохе. Четвертый ускользнул, чтобы сообщить вам об этом.

Аббат. Прискорбная весть.

Олеарий. Сердечно сожалею.

Епископ. Я хочу видеть рейтара. Позовите его наверх. Я сам хочу с ним поговорить. Проведите его в мой кабинет. *(Выходит.)*

Аббат *(садится)*. Еще глоток!

Слуги наливают.

Олеарий. Не угодно ли вашему высокопреподобию прогуляться по саду? *Post coenam stabis seu passus mille meabis.*

Либетраут. Действительно, вам вредно сидеть. Еще паралич разобьет.

Аббат встает.

(Про себя.) Только бы ты вышел в сад, уж я тебя загоняю!

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Мария. Вейслинген.

Мария. Вы говорите, что любите меня. Я охотно верю вам и надеюсь быть с вами счастливой и вас сделать счастливым.

Вейслинген. Я чувствую одно — что я весь твой. *(Обнимает ее.)*

Мария. Прошу вас — пустите меня. Один поцелуй я вам дала в виде задатка, но вы, кажется, хотите вступить во владение тем, что принадлежит вам лишь условно.

Вейслинген. Вы слишком строги, Мария. Невинная любовь радуется, а не оскорбляет господина.

Мария. Пусть так! Но меня иначе воспитывали. Меня учили, что любовные ласки вяжут, как цепь, а любящие девушки слабей, чем Самсон, потерявший свои кудри.

Вейслинген. Кто вас этому научил?

Мария. Настоятельница моего монастыря. Я жила у нее до шестнадцати лет, и только с вами я вновь обрела то счастье, которое испытывала при общении с нею. Она познала любовь и могла о ней говорить. У нее было чувствительное сердце. Да, замечательная женщина.

Вейслинген. Значит, она была похожа на тебя. *(Берет ее за руку.)* Что со мной будет, когда я вас покину!

Мария *(отнимает руку).* Надеюсь, что вам будет нелегко, — я по себе сужу, но вы должны ехать.

Вейслинген. Да, моя драгоценная, и я хочу ехать. Я предчувствую, какое блаженство принесет мне эта жертва. Да будет благословен твой брат и тот день, когда он выехал, чтобы захватить меня!

Мария. Его сердце было полно надежд и за себя и за тебя. «До свиданья, — сказал он, прощаясь, — быть может, я обрету его вновь!»

Вейслинген. И он обрел его. Как бы я хотел, чтоб и защита моих имений, и управление ими не были бы так запущены, как сейчас, из-за этой пагубной придворной жизни. Тогда ты могла бы тотчас стать моею.

Мария. И в отсрочке есть свои радости.

Вейслинген. Не говори так, Мария, а то я стану бояться, что чувство твое слабее моего. Но я терплю по заслугам, и потом — какие надежды будут сопровождать каждый мой шаг! Быть всецело твоим, жить только тобою и в кругу избранных, удалиться от света, наслаждаться блаженством, которое дают друг другу два сердца! Что значат милость князей и приговор света перед этим простым и единственным счастьем? Я на многое надеялся, я желал многого, это превзошло все мои надежды и желания.

Входит Гец.

Гец. Ваш отрок снова здесь. Он едва мог слово промолвить от голода и усталости. Моя жена кормит его. Насколько я мог понять — епископ не хочет выдать моего слугу, он хочет, чтобы были назначены имперские комиссары, которые в определенный день разберут дело. Будь что будет, Адельберт, вы свободны! Я ничего больше не требую, кроме вашего рукопожатия, как доказательства того, что впредь вы ни тайно, ни явно не будете оказывать помощи моим врагам.

Вейслинген. Вот рука моя. Пусть с этого мгновения дружба и доверие будут между нами нерушимы, подобно вечному закону природы. Позвольте мне здесь же взять и эту руку *(берет руку Марии)*, а с нею и обладание этой благородной девицей.

Гец. Могу я сказать за тебя — да?

Мария. Если вы скажете это вместе со мною.

Гец. Хорошо, что на этот раз нам на руку одно и то же. Ты не красней! Твой взгляд — лучшее доказательство. Значит — да, Вейслинген! Дайте друг другу руки, и я скажу — аминь! Друг и брат мой! Благодарю, сестра! Ты умеешь не только прясть лен. Ты ссучила нить, которой изловила эту райскую птицу. Тебе как будто не по себе, Адельберт? Чего тебе не

хватает? Я совершенно счастлив, я только во сне мог мечтать об этом, теперь вижу наяву, а мне все еще кажется что я сплю! Ах, сон мой сбылся! Я видел сегодня ночью, что я даю тебе мою правую, железную руку, а ты так крепко схватил ее, что она, как сломанная, выпала из поручней. Мне стало страшно, на этом я проснулся. Мне б заснуть снова, и я б увидел, как ты приставил мне новую, живую руку. Ты смотри тотчас поезжай и приведи свой замок и поместья в порядок. Ты запустил их из-за проклятого двора. Надо позвать жену мою. Елизавета!

Мария. Как радуется брат мой!

Вейслинген. И все-таки я могу с ним поспорить о том, кто счастливее.

Гец. Ты чудесно заживешь.

Мария. Франкония — благословенная страна.

Вейслинген. И я могу сказать, что замок мой расположен в благословеннейшей и живописнейшей местности.

Гец. Можешь сказать — я подтверждаю! Там течет Майн, над ним полого возвышается гора, одетая пашнями и виноградниками и увенчанная замком. Затем река круто огибает подножие замка. Окна большой залы выходят прямо на воду — вид на многие мили.

Входит **Елизавета.**

Елизавета. Что тут происходит?

Гец. И ты дай руку и скажи: «Да благословит вас бог!» Они — жених и невеста.

Елизавета. Так скоро!

Гец. Но не совсем неожиданно.

Елизавета. Любите ее всегда так же, как в дни жениховства! И будьте так же счастливы, как крепко вы ее любите.

Вейслинген. Аминь! Другого счастья я и не желаю.

Гец. Жених наш, милая жена моя, совершит маленькое путешествие. Ведь большие перемены всегда ведут за собой много мелких. Он сначала удалится от епископского двора, чтоб эта дружба остыла понемногу. Затем он вырвет свои поместья из рук корыстолюбивых арендаторов. И... Идем сестра, идем, Елизавета! Оставим его одного. Его отрок, наверное, привез ему тайные известия.

Вейслинген. Ничего такого, что вы не могли бы знать.

Гец. Не надо, не надо. Франкония и Швабия! Вы теперь породнились ближе, чем когда-либо. Теперь мы будем держать князей в ежовых рукавицах!

Все трое уходят.

Вейслинген. Отец небесный! За что ты уготовал такое блаженство мне, недостойному? Сердце мое переполнено. Как мог я зависеть от жалких людей, над которыми думал властвовать, от взора князей, от лстивых похвал! Гец, дорогой Гец, ты вернул меня мне самому, а ты, Мария, довершила мое душевное перерождение. Я чувствую, что я свободен, как птица в воздухе. Я не хочу больше видеть Бамберга, я хочу порвать все те постыдные связи, которые унижали меня. Сердце мое ширится. Да, это не мучительное стремление к недоступному величию. Воистину — лишь тот велик и счастлив, кому нет нужды властвовать или повиноваться, чтобы стать кем-нибудь!

Входит **Франц.**

Франц. Да благословит вас бог, ваша милость. Я привез вам столько приветов, что не знаю, с которого начать. Бамберг и весь край на десять миль кругом шлют вам тысячекратный привет. Да благословит вас бог!

Вейслинген. Добро пожаловать, Франц. Что ты еще привез?

Франц. При дворе и повсюду — все заняты вами так, что и рассказать невозможно.

Вейслинген. Это недолго будет продолжаться.

Франц. До тех пор, пока вы живы, а после смерти — память о вас будет сиять ярче, чем медные буквы на надгробной плите. Как все приняли к сердцу вашу беду!

Вейслинген. Что сказал епископ?

Франц. Он так жаждал все знать, что мешал мне отвечать настойчивой поспешностью своих вопросов. Кое-что он уже знал — Фербер, ускользнувший при Гослохе, привез ему эту весть. Но он хотел знать все. Он опасливо спрашивал, не ранены ли вы. Я сказал: «Он цел и невредим от самой макушки до ногтя мизинца на ноге».

Вейслинген. Что сказал он о предложениях?

Франц. Сначала он все хотел отдать — и отрока, и еще сверх того денег, чтобы только освободить вас. Но когда узнал, что вы освободитесь и без того и что лишь слово ваше будет залогом за отрока, он решил повременить. Он дал мне сотню поручений к вам, но я их все позабыл. Это была длинная проповедь на тему — я не могу обойтись без Вейслингена.

Вейслинген. Придется привыкнуть.

Франц. Что вы хотите сказать? Он говорил мне: «Пусть поспешит, все ждут его».

Вейслинген. Пусть ждут. Я не еду ко двору.

Франц. Не едете? Господин мой! Да что на вас нашло? Если б вы знали то, что я знаю! Если б вам присниться могло то, что я видел!

Вейслинген. Что с тобой?

Франц. При одном воспоминании — я вне себя. Бамберг — не Бамберг больше, ангел в женском образе превратил его в преддверие рая.

Вейслинген. И только-то?

Франц. Будь я поп, если вы, увидев ее, не перестанете владеть собою.

Вейслинген. Кто же она?

Франц. Адельгейда фон Вальдорф.

Вейслинген. Она! Я много слышал об ее красоте.

Франц. Слышали? Это так же верно, как если б вы сказали, что видели музыку. Разве язык может изобразить хоть одну черточку ее совершенств! Ведь даже глаз теряется в ее присутствии.

Вейслинген. Ты не в своем уме?

Франц. Может быть. Когда я видел ее в последний раз — я был не разумней пьяного. Или, вернее сказать, я ощущал в это мгновение то, что чувствуют святые перед небесным видением. Все чувства стали сильней, возвышенней, совершенней, но были в бездействии.

Вейслинген. Это странно.

Франц. Когда я прощался с епископом, она была у него. Они играли в шахматы. Он был так милостив, что протянул мне руку для поцелуя и сказал мне многое, но я ничего не слышал. Потому что смотрел на его соседку. Она устремила глаза на доску, как бы обдумывая решительный удар. Черточка легкой настороженности змеилась на щеке возле рта. О, если б я был королем из слоновой кости! Благородство и доброта сияли на челе ее! А черные волосы — как оттеняли они ослепительное сияние ее лица и груди!

Вейслинген. Да ты стал настоящим стихотворцем!

Франц. Значит, в это мгновение я ощущаю то, что превращает нас в поэтов, сердце мое полно — полно единым чувством! Когда епископ окончил речь и я поклонился, она взглянула на меня и промолвила: «И от меня привет незнакомки. Скажи ему, чтоб приезжал поскорее. Его ждут новые друзья. Он не должен пренебрегать ими, хоть и богат старыми друзьями». Я хотел что-то ответить, но путь от сердца к языку был прегражден, и я лишь поклонился. Я отдал бы все на свете за то, чтобы посметь поцеловать кончики ее тонких пальцев! Пока я медлил, епископ уронил пешку, я нагнулся за нею и, подымаясь, коснулся края ее платья, огонь пробежал у меня по жилам, и я не знаю, как нашел дверь.

Вейслинген. Муж ее при дворе?

Франц. Уже четыре месяца, как она овдовела. Она приехала в Бамберг, чтобы рассеяться. Вы увидите ее. Когда она взглянет, кажется, будто стоишь на весеннем солнце.

Вейслинген. На меня бы это не подействовало так сильно.

Франц. Я слышал — вы почти что женаты.

Вейслинген. Надеюсь, так оно и будет. Моя нежная Мария составит счастье моей жизни. Ее сладостная душа отражается в ее синих глазах. Светлая, как ангел небесный, сотканная из любви и невинности, она ведет мое сердце к покою и блаженству. Укладывайся и — в мой замок! Я не хочу видеть Бамберга, хотя бы святой Фейт самолично требовал меня. *(Уходит.)*

Франц. Сохрани нас боже от этого! Будем надеяться на лучшее. Мария нежна и прекрасна. Больному пленнику нельзя ставить в вину то, что он в нее влюбился. В ее глазах — утешение, пленительная томность. Но за тобой, Адельгейда, жизнь, огонь, отвага! Будь я... — нет, я уже дурак! — меня свел с ума один ее взгляд. Господин мой должен ехать туда! Я должен ехать туда! Там, глядя на нее, я или снова приду в себя, или обезумею совсем!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

БАМБЕРГ. ЗАЛА

Епископ, Адельгейда играют в шахматы, **Либетраут** с цитрой. **Придворные дамы и кавалеры** вокруг него и у камина.

Либетраут

(играет и поет)

Амур со стрелами
Явился меж нами,
Он факел воздел.
Всех мужеской бранью
И буйственной дланью
Пленить захотел.

Так! Так!

Ах! Ах!

Колчаном он блещет,
Крылами трепещет
И взором зардел.

Увидел он груди,
Увы! — без всего.
Все на руки брали
Охотно его.
И сыпал он стрелы,
И жег, не шутя,
Любили, ласкали,
Качали дитя.

Гей-ей-о! Попейо!

Адельгейда. Вы невнимательны. Шах королю!

Епископ. Еще есть выход.

Адельгейда. Теперь вы долго не протянете. Шах королю!

Либетраут. Я не играл бы в эту игру, будь я высокой особой, и даже запретил бы ее при дворе и во всем государстве.

Адельгейда. Действительно, игра эта — пробный камень для ума.

Либетраут. Не потому! Я предпочел бы слушать вой погребального колокола и зловещих птиц или лай сварливой дворовой собаки — совести; лучше внимать им среди глубокого сна, чем слышать от слонов, коней и прочей твари это вечное — шах королю!

Епископ. Кому подобное взбрдет на ум?

Либетраут. Тому, например, кто слаб, но имеет крепкую совесть, а чаще всего одно сопутствует другому. Называют шахматы королевской игрой и говорят, что они были изобретены для короля, который осыпал изобретателя милостями. Если это правда, мне кажется, я его вижу. Он был недорослем — по уму или по годам, находился под опекой матери или жены, легкий пух покрывал его подбородок, льняной локон вился у виска, он был гибок, как ивовый хлыст, в шашках любил проходить в дамки, любил он играть и с дамами, не по страсти, — боже сохрани! — а так, для препровождения времени. Его воспитатель, слишком деятельный, чтобы быть ученым, и слишком негибкий, чтобы быть светским человеком, in usum Delphini изобрел эту игру, столь однородную с его величеством... и так далее.

Адельгейда. Мат! Вы должны восполнить пробелы наших исторических сочинений, Либетраут.

Они встают.

Либетраут. Восполнить пробелы наших родословных книг было бы выгоднее. С тех пор как заслуги наших предков и их портреты употребляются для одинаковых целей, то есть ими заполняется пустота наших комнат и нашего характера, — здесь есть на чем заработать.

Епископ. Так вы говорите, он не хочет приехать?

Адельгейда. Пожалуйста, выкиньте это из головы.

Епископ. Но в чем тут дело?

Либетраут. Причины... Их можно перебрать, как четки. Он впал в некоторого рода угнетенное состояние, от которого я бы легко мог его вылечить.

Епископ. Сделайте это, поезжайте к нему.

Либетраут. Мои полномочия?

Епископ. Они неограниченны. Я ничего не пожалею, если ты привезешь его.

Либетраут. Могу ли я замешать и вас в это дело, госпожа моя?

Адельгейда. С осторожностью.

Либетраут. Затруднительное поручение!

Адельгейда. Разве вы так мало меня знаете или так молоды, что не понимаете, в каком топе надо говорить обо мне с Вейслингом?

Либетраут. Я думаю, что в тоне дудки для приманивания перепелов.

Адельгейда. Вы никогда не станете умнее!

Либетраут. А разве это возможно, госпожа моя?

Епископ. Ступайте, ступайте! Возьмите лучшего коня в моей конюшне, выберите себе рейтаров и доставьте его мне.

Либетраут. Если я не залучу его сюда — можете сказать, что старая баба, которая сводит веснушки и бородавки, знает больше толку в заклинаниях, чем я.

Епископ. Да разве это поможет? Берлихинген совершенно околдовал его. Если он и приедет, то сейчас же захочет уехать.

Либетраут. Захотеть-то он захочет, а вот сможет ли? Рукопожатье князя и улыбка красавицы! Тут не увернется никакой Вейслинген. Я спешу. Мое почтение.

Епископ. Счастливого пути.

Адельгейда. Прощайте!

Либетраут уходит.

Епископ. Только бы он был здесь, а там — я полагаюсь на вас.

Адельгейда. Я буду силком?

Епископ. О нет!

Адельгейда. Значит, птицей для приманки?

Епископ. Нет, ею будет Либетраут. Я прошу вас — не отказывайте мне в том, чего никто, кроме вас, не может сделать.

Адельгейда. Посмотрим.

ЯКСТГАУЗЕН

Ганс фон Зельбиц. Гец.

Зельбиц. Каждый одобрит вас за то, что вы объявили открытую войну нюрнбергцам.

Гец. Если б я дольше оставался у них в долгу, я бы извелся. Ведь ясно, как день, — это они предали моего оруженосца бамбергцам. Теперь попомнят меня!

Зельбиц. У них давняя злоба на вас.

Гец. А у меня — на них. Мне на руку, что они начали.

Зельбиц. Имперские города вечно заодно с попами.

Гец. У них есть на то основания.

Зельбиц. Мы зададим им жару.

Гец. Я рассчитывал на вас. Если, даст бог, в наши руки попадетс бургомистр нюрнбергский с золотой цепью на шее, — он станет в тупик со всей своей премудростью.

Зельбиц. Я слышал, что Вейслинген снова на вашей стороне. Он присоединится к нам?

Гец. Нет еще. Есть причины на то, чтобы он пока не оказывал нам открытой поддержки, на некоторое время достаточно и того, что он не против нас. Поп без него то же, что ряса без попа.

Зельбиц. Когда мы выезжаем?

Гец. Завтра или послезавтра. Скоро на франкфуртскую ярмарку поедут бамбергские и нюрнбергские купцы. У нас будет хороший улов.

Зельбиц. Дай бог! (*Уходит.*)

БАМБЕРГ. КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Прислужница.

Адельгейда. Он здесь, говоришь ты? Я едва этому верю.

Прислужница. Если бы я его не видела, я бы сама сомневалась.

Адельгейда. Епископ должен озолотить Либетраута, он сделал дело мастерски.

Прислужница. Я видела его, когда он въезжал в замок. Он сидел на белом коне. У моста лошадь заартачилась и не хотела двинуться с места. Со всех улиц бежал народ, чтобы взглянуть на него. Они были довольны, что лошадь заупрямилась. Его приветствовали со всех сторон, и он благодарил всех. Так он сидел в седле спокойно и величаво, пока угрозой и лаской не заставил коня въехать в ворота; за ним последовал Либетраут с несколькими рейтарами.

Адельгейда. Как он тебе нравится?

Прислужница. Как ни один мужчина до сих пор. Он похож на императора здесь (*указывает на портрет Максимилиана*), как сын родной. Нос только немножко поменьше. Такие же ласковые светло-карие глаза, такие же чудные белокурые волосы, а сложен — как

куколка. Полупечальная черточка на лице его — не знаю отчего — ужасно мне понравилась!

Адельгейда. Любопытно взглянуть на него.

Прислужница. Вот был бы муж для вас!

Адельгейда. Дурочка!

Прислужница. Дети и дураки...

Входит **Либетраут.**

Либетраут. Ну, госпожа моя, чего я заслуживаю?

Адельгейда. Рогов от жены твоей! Ведь если судить по этому случаю, вы должны были своей болтовней совратить с пути истинного не одну жену ближнего своего.

Либетраут. Да нет же, госпожа моя! Возвратить на путь истинный, хотите вы сказать. Ведь если что и случилось, — то на ее же брачном ложе.

Адельгейда. Что вы сделали, чтобы привести его?

Либетраут. Вы слишком хорошо знаете сами, как ловят куликов, — разве надо вас учить еще и моим штукам? Сначала я прикинулся, что ничего не знаю и ничего не понимаю в его поведении. Тут-то и пришлось ему, к невыгоде своей, рассказать мне всю историю. На нее я тотчас же посмотрел с совсем другой точки, чем он: не мог понять, не мог постичь и т. д. Затем я стал рассказывать разные разности о Бамберге — дело и вздор, пробудил некоторые старые воспоминания, и как только я овладел его воображением, я прочно связал снова целую массу нитей, которые уже были разорваны. Он не знал, что с ним происходит, его вновь повлекло в Бамберг, почему — он и сам не знал. Когда же он углубился в себя, пробуя все это распутать, и был слишком занят собою, чтобы быть настороже, я опутал его сетью из трех могучих петель — княжеской милости, женской благосклонности и лести. Так я и притащил его.

Адельгейда. Что вы сказали ему обо мне?

Либетраут. Чистую правду. У вас неприятности с именьями, и вы надеетесь, что он благодаря своему влиянию на императора легко с ними покончит.

Адельгейда. Прекрасно!

Либетраут. Епископ приведет его к вам. *(Уходит.)*

Адельгейда. Я жду их с такими чувствами, с какими редко жду гостей.

В ШПЕССАРТЕ

Берлихинген. Зельбиц. Георг в одежде рейтара.

Гец. Ты не застал его, Георг?

Георг. За день перед этим он уехал в Бамберг с Либетраутом и двумя рейтарами.

Гец. Не могу понять, что это значит.

Зельбиц. А я понимаю. Ваше примирение было слишком поспешным для того, чтобы быть прочным. Либетраут — малый продувной, он обошел его.

Гец. Ты думаешь, что он способен на вероломство?

Зельбиц. Первый шаг сделан.

Гец. Я этого не думаю. Кто знает, зачем ему понадобилось ехать ко двору. Там еще перед ним в долгу. Будем надеяться на лучшее.

Зельбиц. Дай бог, чтобы он заслуживал благих надежд!

Гец. Я придумал хитрость. Мы наденем на Георга захваченный у бамбергцев камзол рейтара и дадим ему пропуск, — пусть скачет в Бамберг и узнает, как обстоит дело.

Георг. Я давно этого хочу.

Гец. Это — твой первый набег. Будь осторожен, мальчик. Мне будет больно, если с тобою случится несчастье.

Георг. Полно! Пусть их копошатся вокруг меня сколько угодно, это меня не смутит, —

они для меня все равно, что крысы или мыши. (*Уходит.*)

БАМБЕРГ

Епископ. Вейслинген.

Епископ. Ты не хочешь здесь дольше оставаться?

Вейслинген. Ведь вы не потребуете, чтобы я нарушил свою клятву.

Епископ. Я мог бы потребовать, чтобы ты не давал ее. Что за дух тебя обуял? Разве я не мог тебя освободить и без этого? Разве я так мало значу при императорском дворе?

Вейслинген. Так случилось. Простите мне, если можете.

Епископ. Понять не могу, что тебя побудило к такому шагу! Отступить от меня? Разве нельзя было найти сотни других возможностей, чтобы освободиться? Разве нет у нас его оруженосца? Разве у меня мало денег, чтобы удовлетворить Геца? А мы тем временем продолжали бы действовать против него и его помощников. — Ах, я и забыл, что говорю с его другом, который теперь сам действует против меня и спокойно может взорвать те подкопы, которые некогда вырыл сам!

Вейслинген. Ваше преосвященство!

Епископ. И все-таки, когда я снова вижу твое лицо и слышу твой голос, — это невозможно, невозможно!

Вейслинген. Прощайте, ваше преосвященство!

Епископ. Да будет с тобою мое благословение! Раньше, когда ты уходил, я говорил до свиданья, теперь скажу — дай бог, чтобы мы больше никогда не увиделись.

Вейслинген. Многое может измениться.

Епископ. И так уже изменилось слишком многое. Быть может, я еще увижу тебя с оружием в руках перед моими стенами, опустошающим те поля, которые теперь обязаны тебе своим цветущим состоянием.

Вейслинген. Нет, господин мой!

Епископ. Ты не можешь сказать — нет! Светские владыки — мои соседи — все точат на меня зубы. Покамест ты был у меня... Ступайте, Вейслинген! Мне больше нечего сказать вам. Вы многое превратили в ничто. Ступайте!

Вейслинген. Я не знаю, что мне сказать.

Епископ уходит.

Входит **Франц.**

Франц. Адельгейда ждет вас. Она нездорова. И все-таки она не хочет отпустить вас, не простившись.

Вейслинген. Идем.

Франц. Мы в самом деле едем?

Вейслинген. Сегодня же вечером.

Франц. Я чувствую себя так, будто расстаюсь с белым светом.

Вейслинген. Я тоже, и притом еще не знаю, куда после этого попаду.

КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Прислужница.

Прислужница. Вы бледны, госпожа моя.

Адельгейда. Я не люблю его и все-таки хотела бы, чтобы он остался. Видишь ли, я могла

бы жить с ним, хотя сейчас и не хочу за него замуж.

Прислужница. Вы думаете, он уедет?

Адельгейда. Он пошел проститься с епископом.

Прислужница. После этого он очутится в тяжелом положении.

Адельгейда. Что это значит?

Прислужница. Что вы спрашиваете, госпожа моя? Вы подцепили на крючок его сердце, — если он захочет сорваться с него, он сам истечет кровью.

Адельгейда. Вейслинген.

Вейслинген. Вы нездоровы, сударыня?

Адельгейда. Что вам до того? Вы покидаете нас, покидаете навсегда. Зачем же спрашивать, живы ли мы или умираем?

Вейслинген. Вы ошибаетесь во мне.

Адельгейда. Я принимаю вас за то, за что вы себя выдаете.

Вейслинген. Наружность обманчива.

Адельгейда. Значит, вы хамелеон?

Вейслинген. Если бы вы могли заглянуть в мое сердце!

Адельгейда. Прекрасные вещи открылись бы моим глазам!

Вейслинген. Конечно! Вы увидели бы там ваш образ.

Адельгейда. В каком-нибудь углу, рядом с портретами умерших родственников. Прошу вас не забывать, Вейслинген, что вы говорите со мной. Лживые слова ценны только тогда, когда они служат личиной для наших дел. Замаскированный, которого можно узнать, играет жалкую роль. Вы не отрицаете ваших поступков, но говорите противоположное им. Что же мне думать о вас?

Вейслинген. Что хотите! Я слишком измучен тем, что я есть, и мне все равно, за что меня можно принять.

Адельгейда. Вы пришли проститься?

Вейслинген. Позвольте мне поцеловать вашу руку, и я скажу вам: «Счастливо оставаться». Вы напоминаете мне! Я не сообразил... я в тягость вам!

Адельгейда. Вы ложно истолковали мои слова: я хотела помочь вам уйти. Ведь вы хотите уйти?

Вейслинген. Скажите лучше, что я должен. Если бы меня не увлекали рыцарский долг и честное слово...

Адельгейда. Подите! Подите! Рассказывайте это девочкам, которые читают о рыцаре Тейерданке и мечтают о таком муже. Рыцарский долг! Детская игра!

Вейслинген. Вы этого не думаете.

Адельгейда. По чести, вы притворяетесь! Что вы обещали? И кому? Человеку, который не признает своего долга перед императором и государством, и притом в то мгновение, когда он взял вас в плен и тем самым поставил себя вне закона. Говорить о долге, когда долг этот есть не что иное, как насильственно вынужденное обещание! Разве законы наши не освобождают от таких клятв? Рассказывайте это детям, которые верят в Рюбецалю. За этим скрывается другое. Стать врагом государства, врагом покоя и счастья граждан! Враг императора! Помощник разбойника! Ты, Вейслинген, с твоей нежной душой...

Вейслинген. Если б вы его знали...

Адельгейда. Я отдаю ему должное. У него высокая, неукротимая душа. Именно поэтому — горе тебе, Вейслинген! Иди и готовься стать его рабом. Ты приветлив, мягок...

Вейслинген. И он также.

Адельгейда. Но ты уступчив, а он — нет. Он увлечет тебя незаметно, ты станешь рабом дворянина, ты, который мог бы быть владыкою князей. Впрочем, бесчеловечно внушать тебе отвращение к будущему твоему состоянию.

Вейслинген. Если б ты могла почувствовать, с какой любовью он меня встретил!

Адельгейда. С любовью! Ты это ему ставишь в заслугу! Но ведь это был его долг. Да и что бы ты потерял, если бы он был суров? Мне это было бы даже приятнее. Человек столь высокомерный, как он...

Вейслинген. Вы говорите о враге вашем.

Адельгейда. Я говорила о вашей свободе. И вообще не знаю, зачем вмешалась в это дело. Прощайте!

Вейслинген. Еще одно мгновение. *(Берет ее руку и молчит.)*

Адельгейда. Вы имеете сказать еще что-нибудь?

Вейслинген. Я должен удалиться.

Адельгейда. Так идите.

Вейслинген. Я не могу.

Адельгейда. Вы должны.

Вейслинген. И это ваше последнее слово?

Адельгейда. Ступайте, я больна и очень не кстати.

Вейслинген. Не смотрите на меня так.

Адельгейда. Ты хочешь быть нашим врагом, а мы должны тебе улыбаться? Уходи!

Вейслинген. Адельгейда!

Адельгейда. Я ненавижу вас.

Входит **Франц.**

Франц. Господин мой! Епископ зовет вас.

Адельгейда. Идите! Идите!

Франц. Он просит вас прийти поскорее.

Адельгейда. Идите! Идите!

Вейслинген. Я не прощаюсь, я еще увижу вас.

Уходят.

Адельгейда. Еще увидит меня? Ну, это мы посмотрим! Маргарита, когда он придет, откажи ему. Я нездорова, у меня голова болит, я сплю. Откажи ему. Если можно еще завоевать его, то только этим путем.

ПРИХОЖАЯ

Вейслинген. Франц.

Вейслинген. Она не хочет меня видеть?

Франц. Надвигается ночь. Седлать ли коней?

Вейслинген. Она не хочет меня видеть?

Франц. Когда вы прикажете подать коней, ваша милость?

Вейслинген. Уж слишком поздно. Мы остаемся здесь.

Франц. Слава тебе, господи! *(Уходит.)*

Вейслинген. Ты остаешься? Будь настороже — искушение слишком велико. Конь мой заартачился, когда я хотел въехать в ворота замка. Мой добрый гений преградил ему путь — он знал опасности, которые меня здесь ждали. Но все-таки было бы несправедливо бросить дела епископа, которые я оставил неоконченными, — их надо привести хотя бы в такой порядок, чтобы преемник мой мог начать там, где я кончил. Все это я могу сделать, не изменяя Берлихингену и нашему союзу. Потому что они не должны меня здесь задержать. Все-таки было бы лучше, если бы я сюда вовсе не приезжал. Но я уеду — завтра или послезавтра.

В ШПЕССАРТЕ

Гец. Зельбиц. Георг.

Зельбиц. Вы видите, сбылось все, что я предсказывал.

Гец. Нет! Нет! Нет!

Георг. Поверьте — я говорю вам чистую правду. Я выполнил ваше приказание, надел камзол бамбергца, захватил его пропуск и, чтоб заработать на еду, взялся проводить рейнекских крестьян до Бамберга.

Зельбиц. Переряженным? Это могло бы худо обернуться.

Георг. Я и сам так думаю, когда уже это позади. Рейтар, который загадывает вперед, далеко не уедет. Я прибыл в Бамберг и уже в гостинице услышал рассказ о том, что Вейслинген помирился с епископом. Много говорят и о его женитьбе на вдове фон Вальдорфа.

Гец. Сплетни!

Георг. Я видел, как он вел ее к столу. Она хороша, по чести, она очень хороша. Мы все ей поклонились, и она поблагодарила нас, он кивнул головою и, казалось, был очень доволен. Они прошли мимо, и народ шептал: «Прекрасная чета!»

Гец. Это возможно.

Георг. Слушайте дальше. Когда он на другой день пошел к обедне — я улучил мгновение. С ним был лишь один отрок. Я стоял внизу у лестницы и тихо сказал ему: «Два слова от вашего Берлихингена». Он был поражен, на лице его я прочел признание вины, у него едва хватило духу взглянуть на меня, — на жалкого юношу-рейтара.

Зельбиц. Значит, совесть его была еще ниже, чем твое звание.

Георг. «Ты бамбергский?» — спросил он. «Я привез привет от рыцаря Берлихингена, — сказал я, — и должен узнать...» — «Приходи завтра поутру в мои покои, — сказал он, — мы продолжим беседу».

Гец. Ты пошел?

Георг. Да, я пошел и долго-долго ждал в прихожей. Толпы шелковых пажей оглядывали меня спереди и сзади. Я думал — смотрите себе. Наконец меня ввели к нему, он казался рассерженным. Мне это было безразлично. Я подошел к нему и изложил то, что мне было поручено. Он представился страшно разгневанным — как человек, который испугался и не хочет, чтобы это заметили. Он удивился, что вы передаете поручения с мальчиком-рейтаром. Это рассердило меня, и я сказал, что есть лишь две породы людей — честные и негодяи, а я служу Гецу фон Берлихингену. Тогда он начал болтать всякий вздор, из которого следовало, что вы напали на него врасплох, что у него нет обязательств по отношению к вам и что он не желает иметь с вами никакого дела.

Гец. Ты это слышал из его уст?

Георг. И это, и многое другое. Он угрожал мне.

Гец. Довольно! Неужели и этот потерян? Верность и вера, вы обманули меня снова! Бедная Мария! Как я скажу ей об этом?

Зельбиц. Я б лучше согласился потерять другую ногу, чем быть таким подлецом.

БАМБЕРГ

Адельгейда. Вейслинген.

Адельгейда. Время тянется невыносимо, я не в состоянии говорить, и мне стыдно играть с вами. Скука, ты несносней лихорадки!

Вейслинген. Я уже надоел вам.

Адельгейда. Не столько вы, сколько ваше обращение. Я бы желала, чтобы вы были там,

где хотели быть, и чтобы мы не удержали вас.

Вейслинген. Такова благосклонность женщин! Сначала они с материнской теплотой пригревают заветнейшие ваши надежды, затем, подобно ветреной наседке, покидают гнездо и передают свое нарождающееся потомство смерти и тлению.

Адельгейда. Да, браните женщин! Безрассудный игрок кусает и топчет неповинные карты, которые его сгубили. Дайте-ка я расскажу вам о мужчинах. Вам ли говорить о непостоянстве? Вам, которые редко бывают тем, чем хотят быть, и никогда тем, чем должны? Короли в праздничном убранстве, которым завидует чернь! Много бы дала какая-нибудь швейка, чтобы обвить вокруг шеи ту нить жемчуга с полы вашей одежды, которую небрежно отбрасывает ваш каблук.

Вейслинген. Вы язвительны.

Адельгейда. Это антистрофа вашей песни. До того, как я вас встретила, Вейслинген, со мною было то же, что с этой швейкой. Стоустая — говоря без метафор — молва так неумеренно восхваляла вас, что я дала себя убедить и пожелала увидеть в лицо эту квинтэссенцию мужского пола, этого Феникса — Вейслингена! Мое желание сбылось.

Вейслинген. И вместо Феникса явился обыкновенный петух.

Адельгейда. Нет, Вейслинген, я приняла в вас участие.

Вейслинген. Так казалось.

Адельгейда. Так и было. Ведь в действительности вы превзошли свою славу. Толпа ценит лишь отблеск истинных заслуг. Я такова, что не умею судить о людях, к которым расположена. И вот мы жили рядом некоторое время, мне чего-то не хватало, но я не могла понять, чего в вас недостает. Наконец глаза мои открылись. Вместо деятеля, который вносит жизнь во все дела государства, не забывая при этом себя и своей славы, вместо человека, который, нагромождая друг на друга сотни великих предприятий, возносится по ним до облаков, я увидела вдруг человека, который ноет, как больной поэт, предается меланхолии, как здоровая девушка, и более склонен к праздности, чем старый холостяк. Сначала я приписывала это вашей неудаче, которая была еще свежа в вашей памяти, и извиняла вас, насколько могла. Но теперь, когда дело с вами день ото дня становится хуже, вы должны меня извинить, если я отниму у вас мое расположение. Вы владеете им не по праву: я на всю жизнь отдала его другому, и он не может вам его передоверить.

Вейслинген. Так отпустите меня!

Адельгейда. Нет, пока последняя надежда еще не потеряна. Уединение при таких обстоятельствах опасно. Несчастный! Вы так расстроены, будто вам изменила первая возлюбленная! Именно потому я не оставляю вас. Дайте руку и простите мне все, что я наговорила только из любви к вам.

Вейслинген. Если б ты могла полюбить меня! Если б ты могла дать хоть каплю облегчения моей жгучей страсти! Адельгейда! Упреки твои совершенно несправедливы! Если б ты могла почувствовать хотя бы сотую долю того, что со мной творится все это время, ты не терзала бы меня так безжалостно своей любезностью, равнодушием и презрением. Ты улыбаешься? Снова стать самим собою после опрометчивого шага — на это нужен не один день. Действовать против человека, память о котором свежа в моем сердце!

Адельгейда. Странный ты человек, если можешь любить того, кому завидуешь! Это все одно, что подвозить провиант врагу.

Вейслинген. Я чувствую сам, что колебания невозможны. Он предупрежден о том, что я снова Вейслинген, и постарается воспользоваться своими преимуществами над нами. Но и мы, Адельгейда, не так беспечны, как ты думаешь. Наши рейтары удвоены в числе, и они бдительны, наши переговоры продолжаются, и надо надеяться, что имперский сейм в Аугсбурге приведет в исполнение все наши планы.

Адельгейда. Вы туда отправляетесь?

Вейслинген. Если б мог увезти с собою хоть надежду! (*Целует ее руку.*)

Адельгейда. О вы, неверные! Вечно знамения и чудеса. Поезжай, Вейслинген, и заверши дело. Выгоды епископа так тесно сплелись с твоими и моими, что если б даже дело

шло только об одной политике...

Вейслинген. И ты можешь шутить?

Адельгейда. Я не шучу. Мои поместья захватил гордый герцог, твои — Гец недолго оставит в покое. И если мы не будем поддерживать друг друга, как это делают враги наши, и не склоним императора на нашу сторону — мы погибли.

Вейслинген. Этого я не боюсь. Большинство князей на нашей стороне. Император требует помощи против турок, за это, естественно, он должен поддержать нас. Каким блаженством будет для меня освободить твои поместья от надменного врага, усмирить беспокойные головы в Швабии и дать покой епископству и всем нам! И тогда...

Адельгейда. Дни сменяются днями, а будущее в руках судьбы.

Вейслинген. Но мы должны желать.

Адельгейда. Мы и желаем.

Вейслинген. В самом деле?

Адельгейда. Ну да! Поезжайте же!

Вейслинген. Волшебница!

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА

За стеной музыка и танцы. **Гец, Зельбиц, тесть** сидят за столом. Входит **жених**.

Гец. Благоразумнее всего было покончить эти дразги счастливо и весело — свадьбой.

Тесть. Лучшего мне и присниться не могло. С соседом в мире и ладу, и дочка хорошо пристроена.

Жених. А я владею спорным участком и самой красивой девицей на селе в придачу. Эх, если б вы раньше до этого додумались.

Зельбиц. А долго вы судились?

Тесть. Без малого восемь лет. Теперь я скорее согласился бы столько же времени трястись в лихорадке, чем начать все сначала. Вы не поверите, сколько намаешься, пока вытянешь у судейских париков решение. Да и какой в нем прок? Черт бы побрал ассессора Сапупи! Вот проклятый черномазый итальянец!

Жених. Да, бедовый парень. Я там два раза был.

Тесть. А я три. И вот, господа мои хорошие, получили мы наконец приговор, по которому я так же прав, как он, а он, как я, и стояли мы, разинув рот, до тех пор, пока господь бог наш не надоумил меня отдать ему дочку, да и участок в придачу.

Гец (пьет). За мир и согласие в будущем!

Тесть. Дай-то бог! Будь как будет, а уж судиться я никогда в жизни не стану. Что за уйму денег это стоило! Прокуратору за каждую справку плати.

Зельбиц. Но ведь там бывают имперские ревизии!

Тесть. Их мы и не нюхивали. А вот светлые талеры у меня повыскакивали из кармана. Чистый грабеж!

Гец. Как это?

Тесть. Ах, у всех там руки загребушие! Один ассессор, бог ему прости, обобрал меня на восемнадцать гульденов.

Жених. Кто?

Тесть. Ну кто же, как не Сапупи.

Гец. Это бессовестно!

Тесть. Собственно, я должен был ему выложить двадцать, но когда я их отсчитал у него на даче — роскошная дача! — в большой зале, у меня от тоски чуть сердце не разорвалось. Хозяйство-то хоть и в порядке, а наличным откуда быть? Так я и стоял, и один бог знает, каково мне было. Гроша медного на дорогу не оставалось. Тут я собрался с духом и выложил

ему все это. Как он увидел, что я стоял, как в воду опущенный, так бросил мне два гульдена обратно и выгнал меня вон.

Жених. Быть того не может! Неужто Сапупи?

Тесть. А ты что думал? Конечно! Он самый!

Жених. Так пусть черт его возьмет — ведь он и у меня забрал пятнадцать золотых гульденов!

Тесть. Проклятый!

Зельбиц. Гец! Нас зовут разбойниками!

Тесть. Оттого-то и приговор вышел такой хитрый. Ах ты, пес!

Гец. Вы не должны это оставить безнаказанным.

Тесть. Что же нам делать?

Гец. Ступайте в Шпейер: там теперь ревизия, объявите об этом — они должны расследовать дело и помочь вам.

Тесть. Вы думаете — мы этого добьемся?

Гец. Если б я мог дать им по уху — я бы обещал вам.

Зельбиц. Деньги такие, что попробовать стоит.

Гец. Я делал наезды и за четверть того.

Тесть. Как ты думаешь?

Жених. Попробуем — будь что будет!

Входит **Георг.**

Георг. Нюрнбергцы приближаются.

Гец. Где они?

Георг. Если мы двинемся потихоньку, то захватим их в лесу между Бергеймом и Мюльбахом.

Зельбиц. Отлично!

Гец. В путь, дети! Бог да благословит вас! И да поможет он нам в делах наших!

Крестьянин. Премного благодарны! Не останетесь ли вы на ужин?

Гец. Нам нельзя. Прощайте!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

АУГСБУРГ. САД

Два нюрнбергских купца.

Первый купец. Станем здесь. Император должен пройти мимо. Вот он идет по большой аллее.

Второй купец. Кто с ним?

Первый. Адельберт фон Вейслинген.

Второй. Друг Бамберга! Это хорошо!

Первый. Мы бросимся на колени, и я буду держать речь.

Второй. Ладно, вот они идут.

Император. Вейслинген.

Первый купец. У него расстроенный вид.

Император. Мне тяжело, Вейслинген, а когда я оглянусь на мое прошлое — я готов прийти в отчаяние: сколько незавершенных, сколько неудачных предприятий! И все это

оттого, что в империи для самого малого из князей его прихоти важнее моих замыслов.

Купцы бросаются к его ногам.

Купец. Всесветлейший! Всемогущий!

Император. Кто вы? Что случилось?

Купец. Бедные купцы из Нюрнберга, слуги вашего величества, и молим о помощи. Гец фон Берлихинген и Ганс фон Зельбиц напали на тридцать людей наших, которые через бамбергские владения возвращались с франкфуртской ярмарки, и ограбили их. Мы просим ваше императорское величество о помощи и поддержке, иначе все мы пропали и пойдем по миру!

Император. Господи! Господи! Что же это такое? У одного лишь одна рука, у другого — лишь одна нога, ну, а если б у них было по две руки и по две ноги, что бы вы тогда делали?

Купец. Мы всеподданнейше просим ваше величество обратить милостивое око на стесненные наши обстоятельства.

Император. Вот так всегда! Когда у купца пропадает мешок перцу, надо поднять на ноги всю империю, а если предстоит дело, важное для императора и империи, касающееся королевств, княжеств, герцогств или прочих владений, тогда вас никто не соберет.

Вейслинген. Вы пришли не вовремя. Ступайте и подождите несколько дней.

Купцы. Поручаем себя вашей милости. *(Уходят.)*

Император. Новые распри! Они вырастают, как головы гидры.

Вейслинген. И их не искоренить ничем, кроме огня, меча и решительных мер.

Император. Вы думаете?

Вейслинген. Мне кажется, что это было бы благоразумнее всего, если б, конечно, ваше величество предварительно поладили с князьями в незначительных спорах. Ведь почти вся Германия молит об успокоении. Лишь во Франконии и Швабии тлеют еще искры губительного междоусобия. Но и там есть много благородных и свободных рыцарей, которые жаждут покоя. Как только мы избавимся от Зикингена, Зельбица, Берлихингена, остальное быстро распадется само собой. Ибо их дух оживляет мятежные толпы.

Император. Я бы очень хотел пощадить этих людей — они смелы и благородны. Когда я буду воевать, они будут со мною на поле сражения.

Вейслинген. Было бы желательно, чтобы они сначала научились исполнять долг свой! И, кроме того, было бы очень опасно награждать их почетными должностями за мятежные дела. Ведь до сих пор они чудовищно злоупотребляли именно этой императорской кротостью и милостью; а их приверженцы, которые на это же возлагают все свои упования и надежды, не будут укрощены до тех пор, пока мы не сотрем с лица земли их главарей и не уничтожим до конца всякую надежду их на будущее.

Император. Итак, вы советуете прибегнуть к строгости?

Вейслинген. Я не вижу других средств изгнать тот дух безумия, который охватил целые области. Разве кое-где мы уже не слышим горьких жалоб дворянства на то, что их подданные, их крепостные возмущаются против них, спорят, грозят ограничить их верховные права, данные правом рождения, так что надо ожидать опаснейших последствий.

Император. Сейчас представится прекрасный случай привести к повиновению Берлихингена и Зельбица, но я не хочу, чтоб им причинили зло. Я бы хотел только взять их в плен, и чтобы они поклялись отказаться от наездов, жить спокойно в своих замках и не выходить из пределов своих полномочий. Я предложу это на собрании ближайшей сессии.

Вейслинген. И радостные, единодушные клики одобрения будут ответом на речи вашего величества, прежде чем она будет окончена.

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Зикинген. Берлихинген.

Зикинген. Да, я пришел просить руки и сердца благородной сестры вашей.

Гец. О, если бы вы пришли раньше! Должен вам сказать, что Вейслинген во время плена снискал ее любовь, — посватался, и я дал ему согласие. Я выпустил его из рук — эту птицу, и он пренебрегает теперь той благостной рукою, которая кормила его в беде. Он порхает и ищет себе корма бог весть в каком птичнике.

Зикинген. И это правда?

Гец. До последнего слова.

Зикинген. Он порвал двойную цепь. Ваше счастье, что вы не породнились с предателем.

Гец. Она сидит, бедная девушка, и собирается проплакать и промолиться всю жизнь.

Зикинген. С нами она скоро запоет опять.

Гец. Как? Вы решаетесь жениться на покинутой?

Зикинген. Вам обоим только делает честь то, что вы были им обмануты. Разве бедная девушка должна идти в монастырь из-за того, что первый мужчина, которого она узнала, оказался негодяем? Так нет же! Я стою на своем — она должна стать царицей моих замков.

Гец. Но ведь я говорю вам, что она была к нему неравнодушна.

Зикинген. Так ты не надеешься на то, что я смогу прогнать тень этого несчастного? Идем к ней!

Уходят.

ЛАГЕРЬ ИМПЕРСКОГО ОТРЯДА

Капитан. Мы должны действовать осмотрительно и щадить наших людей, насколько возможно. Кроме того, нам строго приказано окружить его со всех сторон и взять в плен живьем. Это будет нелегко — ведь кто посмеет к нему подступиться?

Первый офицер. Действительно! Ведь он будет защищаться, как дикий вепрь! И вообще — он за всю жизнь не причинил нам никакого зла, и всякий постарается увильнуть от того, чтоб жертвовать из-за императора и империи собственными руками и ногами.

Второй офицер. Вот будет стыд, если мы его упустим! Ну, уж если я ухвачу его за полу — ему не вывернуться!

Первый офицер. Только зубами не хватайтесь, а то он выломает вам челюсть. Милый юноша! Такие люди не дают себя забрать, как беглого вора.

Второй офицер. Посмотрим!

Капитан. Наше письмо он, верно, уже получил. Не будем медлить и пошлем отряд для наблюдения за ним.

Второй офицер. Позвольте мне вести его.

Капитан. Вы не знаете местности.

Второй офицер. В моем отряде есть человек, который здесь родился и вырос.

Капитан. Пусть будет так.

Уходят.

ЯКСТГАУЗЕН

Зикинген. Все идет на славу! Она была немножко смущена моим предложением и

оглядела меня с ног до головы. Бьюсь об заклад — она меня сравнивала со своим молодцом. Слава богу, что я могу за себя постоять. Она отвечала мне скупой и сбивчивой. Тем лучше! Перемелется — мука будет! Девушки, обжегшись на несчастной любви, быстро сдаются на брачные предложения.

Входит Гец.

Что нового, зятек?

Гец. Объявлен вне закона!

Зикинген. Что?

Гец. Вот, прочтите это назидательное письмо. Император приказал послать против меня карательный отряд, который искромсает плоть мою на добычу птицам небесным и полевому зверю.

Зикинген. Не тебе это суждено. Я здесь как раз вовремя.

Гец. Нет, Зикинген, вы должны уехать. Ваши великие замыслы могут погибнуть в зародыше, если вы не вовремя захотите стать врагом государства. И мне вы принесете гораздо больше пользы, если будете казаться нейтральным. Император любит вас. Худшее, что со мной может случиться, это — плен. Тогда вы замолвите за меня слово и вызволите из беды, в которую несвоевременная помощь могла бы ввергнуть нас обоих. Ведь что бы получилось? Сейчас идет поход против меня. Если они узнают, что и ты здесь, они пошлют большой отряд, и нам от этого лучше не будет. Источник всего — император, и я бы уже погиб невосвратно, если б внушить мужество было так же легко, как собрать отряд.

Зикинген. Все-таки я могу тайно прислать вам человек двадцать рейтаров.

Гец. Хорошо. Я уже отправил Георга к Зельбицу и разослал слуг по соседям. Милый зять мой, когда люди мои соберутся, это будет такой отрядец, какой немногие князья видели.

Зикинген. Вас будет мало против множества врагов.

Гец. На стадо овец и одного волка хватит с избытком.

Зикинген. А если у них будет хороший пастух?

Гец. Не беспокойся. Это — сплошь наемники. И потом, лучший рыцарь ничего не может сделать, если он не господин своих поступков. Так и со мною случилось однажды, когда я договорился с пфальцграфом пойти против Конрада Шотта. Тут он и прислал мне бумажку из канцелярии, как я должен выступить и как вести себя; тогда я бросил бумажку советникам обратно и заявил, что не умею по ней действовать; ведь я не знаю, что мне встретится — в бумажке этого не написано, так лучше я сам погляжу во все глаза да и разберусь, что мне делать.

Зикинген. Желаю успеха, брат! Я тотчас еду и пришлю тебе то, что успею собрать наспех.

Гец. Зайди-ка еще к женщинам, я оставил их вместе. Я хотел бы, чтоб ты получил ее согласие до отъезда. Потом пришли мне рейтаров и тайно приезжай за Марией, — боюсь, что замок мой скоро перестанет быть надежным приютом для женщин.

Зикинген. Будем надеяться на лучшее.

БАМБЕРГ. КОМНАТА АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Франц.

Адельгейда. Итак, оба отряда уже выступили?

Франц. Да, и господин мой имеет счастье сражаться против врагов ваших. Я хотел отправиться с ним, как ни охотно я ехал к вам. Теперь я снова еду к нему, чтобы поскорей вернуться с радостной вестью. Мой господин разрешил мне это.

Адельгейда. Как он поживает?

Франц. Он бодр. Он приказал мне облобызать вашу руку.

Адельгейда. На!.. Губы твои жарки.

Франц (*про себя, указывая на грудь*). Здесь еще жарче! (*Вслух.*) Госпожа моя, слуги ваши — счастливейшие люди под солнцем.

Адельгейда. Кто ведет отряд против Берлихингена?

Франц. Фон Сирау. Прощайте, прекрасная госпожа моя! Я еду снова. Не забывайте меня.

Адельгейда. Ты должен что-нибудь поесть, выпить и отдохнуть.

Франц. Зачем? Ведь я вас видел! Я не устал и не голоден.

Адельгейда. Я знаю твою преданность.

Франц. Ах, госпожа моя!

Адельгейда. Ты не выдержишь, успокойся, скушай что-нибудь.

Франц. Бедного юношу питает ваша заботливость! (*Уходит.*)

Адельгейда. У него слезы на глазах. Я люблю его всем сердцем. Так искренне и горячо еще никто не был мне предан. (*Уходит.*)

ЯКСТГАУЗЕН

Гец. Георг.

Георг. Он сам хочет поговорить с вами. Я его не знаю. Он — статный мужчина с черными, огненными глазами.

Гец. Приведи его.

Входит Лерзе.

Здравствуйте! Какие вести вы несете?

Лерзе. Я принес лишь самого себя, это немного, но всего себя целиком я предлагаю вам.

Гец. Добро пожаловать, вдвойне добро пожаловать, храбрый муж, да еще в такое время, когда я не надеялся заполучить новых друзей, а скорей боялся потерять старых. Как ваше имя?

Лерзе. Франц Лерзе.

Гец. Благодарю вас, Франц, что вы познакомили меня с храбрым человеком.

Лерзе. Я уже однажды познакомил вас с собою, но только тогда вы не благодарили меня.

Гец. Я вас не помню.

Лерзе. Это меня огорчает. Но ведь вы помните еще, как по воле пфальцграфа вы сражались против Конрада Шотта и в ночь на масленицу собирались ехать в Гасфурт?

Гец. Ну конечно, помню.

Лерзе. Вы помните, как по дороге в одной деревне вам повстречалось двадцать пять рейтаров?

Гец. Верно. Мне сначала показалось, что их двенадцать, я разделил свой отряд надвое — нас было шестнадцать — и остался у деревни за сараями в надежде, что они проедут мимо. Тогда я бы ударил им в тыл, как было условлено с другим отрядом.

Лерзе. Но мы заметили вас и поднялись на холм возле деревни. Вы проехали мимо и остановились внизу. Когда мы увидели, что вы не хотите подняться, мы ринулись вниз.

Гец. Тут только я увидел, что попал из огня да в полымя. Двадцать пять против восьми! Это не шутки! Эргард Труксес заколол моего латника. За это я сбросил с коня его самого. Если бы все они дрались так, как он и еще один латник, то мне и моей маленькой дружине пришлось бы плохо.

Лерзе. Латник, о котором вы говорите...

Гец. Он был храбрее всех, кого я видел. Он здорово поприжал меня. А когда я думал, что уже совсем от него отделался, он снова очутился передо мной и яростно на меня

набросился. Он прорубил мне рукав панциря и слегка поранил руку.

Лерзе. Вы ему простили?

Гец. Он понравился мне — лучше нельзя.

Лерзе. Ну, тогда я надеюсь, что вы будете мною довольны, — образец моей работы я показал на вас самих.

Гец. Так это ты? Добро пожаловать, вдвойне добро пожаловать! Можешь ли ты похвалиться, Максимилиан, хоть одним таким слугою?

Лерзе. Меня удивляет, что вы раньше меня не узнали.

Гец. Да как мне могло прийти в голову, что тот, кто яростнее всех стремился меня одолеть, пришел теперь предложить мне свои услуги?

Лерзе. Вот в том-то и дело, господин мой! Я с юности служил рейтаром и скрестил оружие не с одним рыцарем. Когда мы ударили на вас, я обрадовался. До того я знал лишь ваше имя, тогда я узнал вас лично. Вы знаете, я тогда не устоял. Вы видели, что это было не от страха, — ведь я вернулся. Словом, я узнал вас и с того часа решил вам служить.

Гец. На какое время вы хотите у меня остаться?

Лерзе. На год, но без платы.

Гец. Нет, вам должно платить, как всякому другому, и еще сверх того, как человеку, который задал мне работу при Ремлине.

Входит **Георг.**

Георг. Ганс фон Зельбиц шлет вам привет. Завтра он будет здесь с пятьюдесятью рейтарами.

Гец. Отлично!

Георг. Возле Кохера спускается имперский отряд, наверное, для наблюдения за вами.

Гец. Сколько их?

Георг. Человек пятьдесят.

Гец. Только-то! Идем, Лерзе, — мы их изрубим! Пусть к приезду Зельбица часть работы уже будет выполнена.

Лерзе. Это будет наш ранний урожай.

Гец. На коней.

Уходят.

ЛЕС ВОЗЛЕ БОЛОТА

Два имперских латника встречаются.

Первый. Ты что здесь делаешь?

Второй. Я уволился по нужде. От вчерашнего переполоха у меня так живот схватило, что каждый миг должен с лошади слезать.

Первый. Разве отряд здесь поблизости?

Второй. В лесу — на добрый час пути отсюда.

Первый. Как же тебя сюда занесло?

Второй. Ты уж, пожалуйста, меня не выдавай. Я хочу пробраться в ближайшую деревню, чтоб посмотреть, не помогут ли моей беде горячие припарки. А ты откуда?

Первый. Из ближней деревни. Ездил за хлебом и вином для нашего офицера.

Второй. Так! Он себя ублажает у нас под носом, а мы — постись! Хороший пример!

Первый. Ступай за мной, негодный!

Второй. Нашел дурака! Многие в отряде охотно попостились бы, чтоб очутиться на

моем месте.

Первый. Слышишь — лошади?

Второй. Вот беда!

Первый. Я влезу на дерево.

Второй. Я спрячусь в камыше.

Гец, Лерзе, Георг — на конях.

Гец. Сюда, мимо пруда, затем налево в лес, так мы зайдем им в тыл.

Они проезжают.

Первый (*слезает с дерева*). Здесь не безопасно. Михель! Не откликается? Михель, они уехали! (*Идет к болоту.*) Михель! Ой-ой! Он утонул! Михель! Он меня не слышит — утонул! Сдох-таки, баба! Мы разбиты! Враги, всюду враги!

Гец, Георг — верхом.

Гец. Стой, молодец, или ты погиб!

Первый. Пощадите!

Гец. Твой меч! Георг, сведи его к остальным пленным, которые там в лесу у Лерзе. Я должен догнать их удравшего предводителя. (*Уезжает.*)

Первый. А что случилось с нашим предводителем?

Георг. Мой господин сшиб его с коня так, что он полетел вверх тормашками и султан увяз в грязи. Латники подняли его — и вскачь как бесноватые!

Уходят.

ЛАГЕРЬ

Капитан. Первый рыцарь.

Первый рыцарь. Они издалека бегут к лагерю.

Капитан. Он гонится за нами по пятам. Двиньте полсотни к мельнице, если он слишком далеко заскочит. Вы, может быть, накроете его.

Рыцарь уходит.

Вводят **второго рыцаря.**

Как дела, молодой человек? Рога свои пообломали?

Рыцарь. Чума его возьми! Тут и самые крепкие олени рога разлетелись бы, как стекло. Ах ты, черт! Он налетел на меня так, что мне почудилось, будто меня громом в землю вбило.

Капитан. Благодарите бога, что вообще остались целы.

Рыцарь. Есть за что благодарить — два ребра пополам. Где фельдшер? (*Уходит.*)

ЯКСТГАУЗЕН

Гец. Зельбиц.

Гец. Что ты скажешь о том, что я объявлен вне закона, Зельбиц?

Зельбиц. Это проделки Вейслингена.

Гец. Ты думаешь?

Зельбиц. Не думаю, а знаю.

Гец. Почему?

Зельбиц. Я говорю тебе, что он был на имперском сейме в свите императора.

Гец. Ладно, так мы опять расстроим его козни.

Зельбиц. Надеюсь.

Гец. Едем — пусть начнется травля зайцев.

ЛАГЕРЬ

Капитан. Рыцари.

Капитан. Так ничего не выйдет, господа. Он бьет у нас отряд за отрядом, а тот, кто не убит и не взят в плен, бежит себе с богом и скорее очутится в Турции, чем вернется обратно в лагерь. Так мы с каждым днем слабеем. Мы должны раз навсегда с ним покончить. Это не шутка! Я сам поведу вас — пусть знает, с кем имеет дело.

Рыцарь. Мы все на это согласны, но он так искусен в полевой войне, так хорошо знает все ходы и выходы в горах, что поймать его не легче, чем мышшь в овине.

Капитан. Ничего, поймаем. Сначала — к Якстаузену. Он волей-неволей должен будет явиться на защиту своего замка.

Рыцарь. Весь наш отряд пойдет?

Капитан. Конечно. Вы знаете, что мы уже растаяли на сто человек?

Рыцарь. Поэтому поспешим, пока не растаяла вся льдина; кругом жарко, и мы здесь как масло на солнце.

ГОРЫ И ЛЕС

Гец. Зельбиц. Отряд.

Гец. Они идут всей кучей. Рейтары подоспели как раз вовремя.

Зельбиц. Мы разделимся. Я обогну холм слева.

Гец. Хорошо. А ты, Франц, возьми пятьдесят человек и ступай направо, лесом. Они идут лугом — я буду держаться против них. Георг, ты останешься при мне. И когда вы увидите, что они на меня напали, — тотчас ударьте на них с флангов. Мы их отшлепаем. Им и в голову не приходит, что мы можем дать отпор.

Уходят.

ПОЛЯНА. С ОДНОЙ СТОРОНЫ ВОЗВЫШЕННОСТЬ, С ДРУГОЙ — ЛЕС

Капитан. Карательный отряд.

Капитан. Он стоит на поляне! Это — дерзость. За это он заплатит! Как? Не бояться потока, который мчится на него?

Рыцарь. Вам не следует ехать во главе отряда, у него такой вид, точно он собирается посадить в землю головой первого, кто его тронет. Поезжайте сзади.

Капитан. Не хочу.

Рыцарь. Прошу вас. Вы один связываете еще этот пучок прутьев; развяжите его, и он их вам переломает поодиночке, как тростинки.

Капитан. Играй, трубач! А его — вывести из игры!

Уходят.

Зельбиц мчится галопом из-за холма.

Зельбиц. За мной! Прикажите рукам вашим удесятериться! (*Уезжает.*)

Лерзе (*из лесу*). На помощь Гецу! Он почти окружен! Ты уже расчистил путь, храбрый Зельбиц. Мы засеем и луг их головами вместо чертополоха. (*Проезжает.*)

Шум битвы.

ХОЛМ СО СТОРОЖЕВОЙ БАШНЕЙ

Зельбиц раненый. **Латники.**

Зельбиц. Положите меня здесь и возвращайтесь к Гецу.

Первый латник. Позвольте нам остаться, рыцарь, мы нужны вам.

Зельбиц. Пусть кто-нибудь взойдет на башню и взглянет, как идут дела.

Первый латник. Как же я взберусь наверх?

Второй латник. Встань мне на плечи, тогда ты дотянешься до трещины и поднимешься до отверстия.

Первый латник (*взбирается наверх*). Ах, господин мой!

Зельбиц. Что ты видишь?

Первый латник. Ваши рейтары бегут к возвышенности.

Зельбиц. Проклятые трусы! Лучше мне пулю в лоб — только бы они держались! Пусть один из вас скачет туда! Разругать, вернуть их!

Латник уходит.

Ты видишь Геца?

Латник. Вижу три черных пера в самой гуще боя.

Зельбиц. Плыви, храбрый пловец! А я лежу здесь!

Латник. Белый султан! Кто это?

Зельбиц. Начальник.

Латник. Гец пробивается к нему, — ах! — он падает!

Зельбиц. Начальник?

Латник. Да, господни мой!

Зельбиц. Хорошо, хорошо!

Латник. Горе! Горе! Я больше не вижу Геца!

Зельбиц. Так умри, Зельбиц!

Латник. Страшная схватка кипит там, где он стоял. И голубой султан Георга тоже исчез.

Зельбиц. Спускайся. Лерзе ты не видишь?

Латник. Ничего не вижу. Все смешалось.

Зельбиц. Все кончено. Сойди! Как держатся рейтары Зикингена?

Латник. Хорошо. Вот один бежит к лесу! Еще один... весь отряд! Геца нет!

Зельбиц. Сойди вниз.

Латник. Не могу. — Радость! Радость! Я вижу Геца! Я вижу Георга!

Зельбиц. На конях?

Латник. Высоко, на конях! Победа! Победа! Они бегут!

Зельбиц. Имперские войска?

Латник. Знамя среди них! Гец — за ними! Они рассеиваются. Гец настиг знаменосца. Он отобрал знамя, держит его, вокруг него горстка людей. Мой товарищ пробрался к нему. Они скачут сюда.

Гец. Георг. Лерзе. Отряд.

Зельбиц. С удачей, Гец! Победа! Победа!

Гец (*слезает с коня*). Дорого досталась. Дорого! Ты ранен, Зельбиц?

Зельбиц. Ты жив, ты победитель! Я мало сделал. А мои псы-рейтары! Как ты выбрался?

Гец. На этот раз жарко было! Я обязан жизнью Георгу. Я обязан жизнью Лерзе. Я сбросил начальника с коня. Он заколол мою лошадь и ринулся на меня, Георг пробился ко мне и спешился, я, как молния, — на коня, он, как гром, — снова в седло. Как ты добыл коня?

Георг. Я пронзил моим кинжалом одного из тех, кто пробивался к вам, когда панцирь его приподнялся. Он рухнул, а я разом и вас избавил от врага, и себе добыл коня.

Гец. Тут мы и застряли, пока Франц к нам не пробился. Тогда мы стали их косить, чтоб выбраться.

Лерзе. Те псы, которых я вел, должны были косить их с другой стороны, пока наши косы не скрестились бы, но они удрали, как имперцы.

Гец. Бежал и друг и враг! Лишь ты, кучка друзей, защищала мой тыл, мне было довольно дела и с теми, кто стоял передо мной. Падение их предводителя помогло мне стряхнуть их — они разбежались. Мне досталось знамя и несколько пленных.

Зельбиц. Начальник ускользнул от вас?

Гец. Они спасли его в суматохе. Идем, дети! Идемте, Зельбиц! Сделайте носилки из ветвей — ты не можешь сесть на коня. Идем в мой замок. Они рассеяны. Но нас мало, и я не знаю, есть ли у них еще войска. Я хочу угостить вас, друзья мои. Стакан вина вдвое вкусней после такой схватки.

ЛАГЕРЬ

Капитан.

Капитан. Я передумал бы вас всех своими руками! Так бежать! У него и горстки людей уже не было. Бежать от одного человека! Да никто этому не поверит, кроме тех, кому придет охота посмеяться над нами. Скачите во все концы — вы, и вы, и вы. Где найдете наших беглых рейтаров — гоните их обратно или колите на месте. Мы должны сквитаться, если б даже все войско при этом погибло.

ЯКСТГАУЗЕН

Гец. Лерзе. Георг.

Гец. Нам нельзя медлить ни минуты! Бедные дети, я не могу вам дать передышки. Мчитесь во все концы — не найдется ли где еще рейтаров. Сбор — в Вейлерне. Там всего надежней. Если мы промедлим — они как раз подступят к замку.

Георг, Лерзе уходят.

Надо послать кого-нибудь на разведку. Становится жарко! Если б еще нашлись храбрецы! А то ведь это — стадо! (*Уходит.*)

Зикинген. Мария.

Мария. Прошу вас, милый Зикинген, не покидайте моего брата! Его рейтары, рейтары Зельбица и ваши — все рассеяны, он один. Зельбиц ранен и перенесен в свой замок. Я боюсь всего.

Зикинген. Будьте спокойны, я не уйду ни на шаг.

Гец входит.

Гец. Идем в церковь — патер ждет. Чтоб через четверть часа вы были обвенчаны!

Зикинген. Позвольте мне остаться!

Гец. Сейчас идите в церковь!

Зикинген. Охотно. А потом?

Гец. А потом идите своей дорогой.

Зикинген. Гец!

Гец. Вы не желаете идти в церковь?

Зикинген. Идем, идем.

ЛАГЕРЬ

Капитан. Рыцарь.

Капитан. Сколько их всего?

Рыцарь. Полтораста.

Капитан. Из четырехсот! Плохо дело. Теперь — подъем и прямо на Якстгаузен, пока он снова не собрался с силами и не стал у нас на пути.

ЯКСТГАУЗЕН

Гец. Елизавета. Мария. Зикинген.

Гец. Бог да благословит вас, и да ниспошлет он вам счастливые дни, а те, что вам не достанутся, — пусть будут для детей ваших!

Елизавета. И пусть дети ваши будут честны, как вы сами, остальное приложится.

Зикинген. Благодарю вас, благодарю вас, Мария. Я вел вас к алтарю, вы поведете меня к блаженству.

Мария. Мы вместе совершим паломничество в эту чужую, прославленную страну.

Гец. Счастливого пути!

Мария. Ты не так меня понял: мы вас не оставим.

Гец. Вы должны оставить нас, сестра.

Мария. Ты — безжалостен, брат.

Гец. А вы более нежны, чем дальновидны.

Входит **Георг.**

Георг (*тихо*). Никого не могу завербовать. Один-единственный согласился, да потом раздумал и не захотел.

Гец. Хорошо, Георг, счастье начинает изменять мне. Впрочем, я это предчувствовал. (*Громко.*) Я прошу вас, Зикинген, уезжайте сегодня же вечером. Убедите Марию. Она ведь жена ваша. Пусть почувствует это. Если женщины начнут некстати вмешиваться в наши дела,

то враг в чистом поле будет безопаснее, чем мы с ними в крепости.

Входит латник.

Латник (*тихо*). Господин мой, имперский эскадрон идет сюда на рысях.

Гец. Я разбудил их ударом хлыста! Сколько их?

Латник. Около двухсот. Он не дальше, чем в двух часах пути отсюда.

Гец. Они еще за рекой?

Латник. Да, господин мой.

Гец. Если б у меня было хоть пятьдесят человек, они бы не посмели переправиться. Ты Лерзе не видел?

Латник. Нет, господин мой.

Гец. Скажи всем, чтобы они держались наготове. Надо нам расстаться, дорогие мои. Плачь, милая Мария. Еще придут мгновения, когда ты будешь радоваться. Лучше плакать в день свадьбы, чем предаваться безмерной радости, предтече грядущих бед. Прощай, Мария! Прощай, брат!

Мария. Я не могу вас покинуть, сестра! Милый брат, позволь нам остаться. Неужели ты так мало ценишь моего мужа, что пренебрегаешь его помощью в такой крайности?

Гец. Да, я зашел далеко. Быть может, я стою накануне моей гибели. Вы начинаете жить сегодня, и вы должны отделить судьбу вашу от моей. Я приказал седлать ваших коней. Вы должны ехать сейчас же.

Мария. Брат! Брат!

Елизавета (*Зикингену*). Уступите ему! Уезжайте!

Зикинген. Едем, милая Мария.

Мария. И ты? Сердце мое разорвется.

Гец. Так оставайся! Мой замок будет вскоре окружен.

Мария. Горе! Горе!

Гец. Мы будем защищаться до последней возможности. Мария. Матерь божья, сжался над нами!

Гец. И кончим тем, что умрем или сдадимся. Ты будешь оплакивать участь благородного мужа твоего — общую с моей участью.

Мария. Ты терзаешь меня!

Гец. Оставайся! Оставайся! Ты упадешь в пропасть вместе со мною, Зикинген! А я надеялся, что ты выручишь меня.

Мария. Мы едем. Сестра! Сестра!

Гец. Когда она будет в безопасности, вспомни обо мне.

Зикинген. Я не взойду к ней на ложе до тех пор, пока не узнаю, что вы вне опасности.

Гец. Сестра, милая сестра! (*Целует ее.*)

Зикинген. В путь, в путь!

Гец. Еще мгновение. Я вас увижу снова. Утешьтесь! Мы еще увидимся.

Зикинген и Мария уходят.

Я прогнал ее, но вот она ушла, и я бы хотел удержать ее. Лишь ты мне осталась, Елизавета!

Елизавета. До гроба. (*Уходит.*)

Гец. Кого бог возлюбит, тому он дарует такую жену!

Входит Георг.

Георг. Они близко. Я видел их с башни. Солнце взошло, и я увидел, как блестят их копыя. Увидев их, я испугался не больше, чем кот перед мышинным войском. Хотя крыс играем мы.

Гец. Проверьте засовы у ворот. Завалите их изнутри камнями и бревнами.

Георг уходит.

Мы испытали их терпение, пусть бьют в стену лбом.

Трубач за сценой.

Ага! Краснокафтаный мерзавец, который предложит нам вопрос, не желаем ли мы стать мерзавцами. *(Идет к окну.)* Что там?

Вдалеке слышна речь.

Гец *(себе в бороду)*. Петлю тебе на шею.

Трубач продолжает играть.

«Оскорбитель его величества!» Приказ составил поп.

Трубач смолкает.

(Отвечает.) Мне сдаться? На гнев и милость? Ты с кем говоришь? Что я — разбойник? Скажи твоему начальнику, что к его императорскому величеству я, как всегда, чувствую должное уважение. А он, скажи ему, он может меня... *(Захлопывает окно.)*

У ОСАЖДЕННЫХ. КУХНЯ

Елизавета. Гец.

Гец. У тебя много работы, бедная жена.

Елизавета. Мне бы хотелось, чтобы ее было больше. Нам трудно будет долго продержаться.

Гец. У нас не было времени, чтобы подумать о запасах.

Елизавета. А сколько народу надо кормить! И вино у нас на исходе.

Гец. Продержаться бы до тех пор, пока они предложат капитуляцию. Мы им даем хороший отпор. Они палят целый день и только ранят нам стены и бьют окна. Лерзе — храбрый малый, он вездесущ со своей пищалью. Чуть кто-нибудь подойдет слишком близко, — паф! — он и лег на месте.

Латник. Углей, госпожа моя!

Гец. На что?

Латник. Пули все вышли — будем лить новые.

Гец. Как с порохом?

Латник. Да ничего себе. Мы выстрелов зря не тратим.

ЗАЛА

Лерзе с формой для отливки пуль, **латник** — с угольями.

Лерзе. Клади их сюда да пойдй посмотри, где бы нам в доме добыть свинца. А я пока займусь этим. *(Выламывает раму, выбивает стекла.)* Все на пользу. Так мир устроен: ни один человек не знает, что из чего может получиться. Стекольщик, который вставлял рамы,

наверное, не думал, что свинец переплета здорово повредит голову одному из его правнуков; также и отец мой, произведя меня на свет, верно, не думал о том, какой птице небесной и какому червю земному я достанусь на обед.

Входит **Георг** с кровельным желобом.

Георг. Вот тебе свинец. Если ты хоть половиной попадешь в цель, то некому будет сказать его величеству: «Государь, мы скверно дрались».

Лерзе (*рубит желоб*). Славный кусок!

Георг. А дождь пусть ищет себе другую дорогу! Я о нем не тревожусь — храбрый рейтар и здоровый ливень везде пробьют себе дорогу.

Лерзе (*за литьем*). Держи ложку. (*Идет к окну.*) Вот шатается какой-то имперский молодчик с пищалью. Они думают, что мы все заряды расстреляли. Пусть попробует горячей пули — прямо со сковородки. (*Заряжает.*)

Георг (*кладет ложку*). Дай мне взглянуть.

Лерзе (*стреляет*). Конiec воробью.

Георг. Этот самый и в меня стрелял (*оба льют*), когда я вылез из слухового окна за желобами. Он попал в голубя, который сидел рядом, голубь упал в желоб. Я поблагодарил за жаркое и влез обратно с двойной добычей.

Лерзе. Ну, теперь зарядим и обойдем весь замок, чтоб заслужить наш обед.

Входит **Гец**.

Гец. Останься, Лерзе! Мне надо с тобой поговорить! Я не хочу мешать твоей охоте, Георг.

Георг уходит.

Они хотят мне что-то предложить.

Лерзе. Я к ним схожу и узнаю, что именно.

Гец. Думаю, это будет рыцарское заточение на известных условиях.

Лерзе. Это ни к чему. А вот, если бы они предложили нам свободно уехать, раз вы все равно потеряли надежду, что Зикинген снимет осаду. Мы зарыли бы золото и серебро так, что им его не отыскать никаким колдовством, оставили бы им замок и удалились бы подобру-поздорову.

Гец. Они нас не выпустят.

Лерзе. Попробовать стоит. Потребуем верной охраны, и я выйду к ним.

Уходят.

ЗАЛА

Гец, Елизавета, Георг, латники — за столом.

Гец. Так сблизила нас опасность! Кушайте, друзья мои! Не забывайте и о вине. Бутылка пуста. Дай еще одну, милая жена.

Елизавета пожимает плечами.

Больше нет ни одной?

Елизавета. Есть одна — я спрятала ее для тебя.

Гец. Зачем, дорогая? Дай ее! Им надо подкрепиться, а не мне, ведь это мое дело.

Елизавета. Принесите ее — она там, в шкафу!

Гец. Это — последняя. И мне кажется, что нам незачем ее беречь. Давно я не был так весел. *(Наливает.)* Да здравствует император!

Все. Да здравствует!

Гец. Это должно быть нашим предпоследним словом, когда мы будем умирать! Я люблю его — ведь у нас одинаковая судьба. Я даже счастливее его. Он должен ловить мышей для имперских чинов, а крысы в то время опустошают его владения. Я знаю, что он порою желал бы лучше умереть, чем быть душою такого хилого тела. *(Наливает.)* Как раз еще обойдет всех! Ну, а когда кровь наша оскудеет в жилах и, как вино из этой фляги, польется тонкою струей и наконец медленными каплями *(выливает по капле остаток в свой стакан)*, что тогда будет нашим последним словом?

Георг. Да здравствует свобода!

Гец. Да здравствует свобода!

Все. Да здравствует свобода!

Гец. И если она переживет нас, то мы можем умереть спокойно. Очами духа мы увидим наших счастливых внуков и их счастливых повелителей. Когда слуги князей будут служить им так же верно и вольно, как вы мне служите, когда князья будут служить императору, так же, как я хотел ему служить...

Георг. Для этого многое должно измениться.

Гец. Не так много, как кажется. Разве я не встречал отличных людей среди князей и разве род их вымер? Эти добрые люди бывали счастливы сами и делали счастливыми своих подданных, они терпели около себя благородного, свободного соседа, они не боялись его и не завидовали ему, у них сердце расцветало, когда они видели у себя за трапезой много себе подобных, они не обращали рыцарей в льстецов, чтобы жить с ними.

Георг. Вы знавали таких князей?

Гец. Конечно! Я всю жизнь буду помнить, как ландграф Ганауский устроил охоту, на которой князья и рыцари пировали под открытым небом, а поселяне сбегались, чтобы взглянуть на них. Это не был маскарад, устроенный им из тщеславия. Нет. Круглолицые парни, розовощекие девушки, домовитые мужи, крепкие старики, кругом радостные лица — все свидетельствовало о том, как искренне любовались они на великолепие своего господина, который пировал среди них на вольном воздухе.

Георг. Он был приветлив, как вы, этот князь.

Гец. Разве мы не должны желать, чтобы побольше таких князей правило одновременно? Чтоб почтение к императору, мир и дружба между соседями, любовь подданных стали драгоценнейшим семейным сокровищем, которое наследуют внуки и правнуки? Каждый сохранил бы свое и умножил, вместо того чтобы, как сейчас, считать приобретением лишь то, что отнято у другого.

Георг. А мы делали бы тогда наезды?

Гец. Дай бог, чтобы в Германии перевелись все беспокойные головы! Дело нам всегда нашлось бы. Мы бы очистили горы от волков, мы привозили бы мирному соседу-землепашцу жаркое из лесу и за это хлебали бы с ним суп. Если бы этого нам было мало — мы вместе с нашими братьями, как херувимы с пламенным мечом, встали бы у границ государства против волков-турок, против лисиц-французов, охраняя отдаленные земли любимого императора и покой всей империи. Вот была бы жизнь, Георг! Рисковать головой за всеобщее благо!

Георг вскакивает.

Куда ты?

Георг. Ах, я и забыл, что мы заперты и запер нас император! И унести отсюда наши головы можно, только рискуя головой.

Гец. Не унывай.

Входит Лерзе.

Лерзе. Свобода! Свобода! Что за мерзкий народ, что за бестолковые, нерешительные ослы! Вы можете выйти из замка с оружием, копиями и снаряжением. Провиант вы должны оставить здесь.

Георг. Ну, от него у них зубы не заболят!

Лерзе (*тихо*). Вы спрятали серебро?

Гец. Нет! Жена, иди с Францем, он хочет тебе что-то сказать.

ДВОР ЗАМКА

Георг

(*в конюшне поет*)

Поймал пичугу паренек,
Гм! Гм!
Смеялся, глядя ей в домок,
Гм! Гм!
Так! Так!
Гм! Гм!
Он радовался дюже,
Гм! Гм!
И хватъ, — да неуклюже,
Гм! Гм!
Так! Так!
Гм! Гм!
Синичка выпорхнула вон,
Гм! Гм!
И в дураках остался он.
Гм! Гм!
Так! Так!
Гм! Гм!

Гец. Как дела?

Георг (*выводит его коня*). Конь оседлан.

Гец. Ты торопишься?

Георг. Как птица из клетки.

Входят **осажденные**.

Гец. Пищали с вами? Да нет же! Пойдите наверх и возьмите лучшие из оружейной, — не пропадать же им. Мы поедем вперед.

Георг

Гм! Гм!
Да! Да!
Гм! Гм!

Уезжают.

ЗАЛА

Два латника возле шкафа с оружием.

Первый. Я возьму это.

Второй. А я — это. А вон там есть еще одно — получше.

Первый. Да брось! Кончай — надо уходить.

Второй. Стой — слышишь?

Первый (*бросается к окну*). Господи помилуй! Они убивают нашего господина! Он сброшен с коня. Георг падает.

Второй. Как нам спастись? Со стены по орешнику и — в поле! (*Убегает.*)

Первый. Франц еще держится, иду к нему. К чему мне жить, если они умрут. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГОСТИНИЦА В ГЕЙЛЬБРОНЕ

Гец. Мне кажется, что я — тот злой дух, которого капуцин загнал заклятиями в мешок. Я мучаю себя — и безо всякой пользы. Клятвопреступники!

Входит **Елизавета**.

Какие вести, Елизавета, о моих милых верных товарищах?

Елизавета. Ничего достоверного. Одни убиты, другие брошены в темницу. Никто не мог или не хотел мне сказать определеннее.

Гец. Так вот она награда за верность! За сыновнее послушание! За это — благо ти будет и долголетен будешь на земли!

Елизавета. Милый муж мой, не хулите отца нашего небесного! Свою награду они получили — она родилась вместе с ними, это — свободное, благородное сердце. Пусть они в плену — они свободны! Подумай о присланных комиссарах. Толстые золотые цепи идут им.

Гец. Как корове седло. Хотел бы я видеть Георга и Франца в заточении.

Елизавета. От этого зрелища и ангелы бы заплакали.

Гец. Я бы не заплакал. Я заскрежетал бы зубами и сломал бы их от гнева. Зеница моего ока — в цепях! Милые дети мои — зачем вы так любили меня? Я б не мог на них досыта насмотреться. Не держать слова, данного именем императора!

Елизавета. Отгоните эти мысли. Подумайте о том, что вы должны предстать перед советниками. Вы не расположены встретить их приветливо, и я опасуюсь за вас.

Гец. Что могут они со мной сделать?

Елизавета. Посланный суда!

Гец. Осел правосудия! Таскает мешки его на мельницу и навоз на поле. Что случилось?

Входит **судебный служитель**.

Судебный служитель. Господа комиссары собрались в ратуше и посылают за вами.

Гец. Я иду.

Судебный служитель. Я буду сопровождать вас.

Гец. Много чести.

Елизавета. Будьте сдержанней.

Гец. Не беспокойся.

Уходят.

РАТУША

Имперские советники, капитан, ратсгеры Гейльбронна.

Ратсгер. По вашему повелению мы собрали самых сильных и храбрых граждан. Они здесь поблизости и ждут вашего знака, чтобы управиться с Берлихингенем.

Первый советник. Мы сумеем в самом лестном виде представить его императорскому величеству вашу готовность повиноваться его приказаниям. Это — ремесленники?

Ратсгеры. Кузнецы, кладовщики, плотники — все люди с крепкими кулаками и здесь ладно скроенные. *(Указывает на грудь.)*

Советник. Отлично!

Входит **судебный служитель.**

Судебный служитель. Гец фон Берлихинген ждет у дверей.

Советник. Пусть войдет.

Входит **Гец.**

Гец. Здравствуйте, господа! Что вам от меня надо?

Советник. Во-первых, чтобы вы поняли, где вы и перед кем находитесь.

Гец. Клянусь честью, я вас ценю по заслугам, господа.

Советник. Вы исполняете долг свой.

Гец. От всего сердца.

Советник. Садитесь.

Гец. Там внизу? Я лучше постою. Стульчик провонял приговоренными, как и вся комната, впрочем.

Советник. Так стойте!

Гец. К делу, если вам угодно.

Советник. Мы будем действовать по закону.

Гец. Очень рад. Давно бы так.

Советник. Вы помните, что вы сдались нам на гнев и милость?

Гец. А что вы мне дадите, если я забуду?

Советник. Если б я мог дать вам немного скромности, я б этим очень помог вам.

Гец. Помог бы! Да разве вы это можете? Ведь это труднее, чем губить.

Писец. Надо ли все это заносить в протокол?

Советник. Только то, что относится к делу!

Гец. А по мне — хоть печатайте!

Советник. Вы были во власти императора, но царственное правосудие уступило место отеческому милосердию, и сие последнее вместо темницы назначило вашим местопребыванием Гейльброн, один из любимейших городов его. Вы поклялись честно держать себя, как подобает рыцарю, и смиренно ждать дальнейшего.

Гец. Верно, и вот я здесь и жду.

Советник. И вот мы здесь объявляем вам милость и прощение его императорского величества. Он прощает вам все ваши преступления и освобождает вас от всякого заслуженного вами наказания, что вы и должны принять со всеподданнейшей благодарностью

и поклясться выполнить договор о мире, который вам сейчас будет прочтен.

Гец. Я, как всегда, — верный слуга его величества. Еще вопрос, до того как вы продолжите свою речь. Где мои люди? Что с ними будет?

Советник. Это вас не касается.

Гец. Да отвратит император свое лицо от вас, когда вы будете в беде! Они были моими товарищами, они ими остались. Куда вы их дели?

Советник. Мы не обязаны давать вам отчет об этом.

Гец. Ага! Не думал я, что вы не связаны тем, что обещали, не говоря уж о том...

Советник. Нам поручено предложить вам договор о мире. Покоритесь императору, и вы найдете средства вымолить жизнь и свободу вашим товарищам.

Гец. Где бумага?

Советник. Писец, читайте!

Писец. Я, Гец Берлихинген, торжественно признаю сим письмом, что так как я недавно поднял знамя бунта против императора и империи...

Гец. Это неправда. Я не мятежник. Я ни в чем не повинен перед его императорским величеством, а до империи мне дела нет.

Советник. Будьте осторожней и слушайте дальше.

Гец. Не хочу слушать дальше! Пусть выступят и докажут! Сделал ли я хоть шаг против императора или против царствующего дома Австрии? Разве я не доказывал всегда всеми своими поступками, что я лучше, чем кто-либо, чувствую, чем обязана Германия своему правителю и особенно чем обязаны своему императору малые — рыцари и свободные люди. Я был бы негодяем, если б меня можно было уговорить подписать эту бумагу.

Советник. И все-таки нам дан определенный приказ или уговорить вас добром, или в случае сопротивления бросить вас в темницу!

Гец. В темницу? Меня?

Советник. Там ждите решения участи своей от правосудия, раз вы не желаете принять его из рук милосердия.

Гец. В темницу? Вы злоупотребляете императорской властью. В темницу? Это не его приказ. Как! Сначала устроить мне — предатели! — западню и повесить в нее для приманки вашу честь, ваше слово рыцаря! Затем обещать мне рыцарское заточение и тотчас снова нарушить свое обещание!

Советник. Мы не обязаны держать слово, данное разбойнику.

Гец. Если б ты не носил изображения императора, которое я чту даже в самой скверной копии, ты бы у меня сожрал «разбойника» или он тебе стал бы поперек горла! Я веду борьбу честно! Ты мог бы благодарить бога и стать славным в глазах всего света, если бы совершил в своей жизни хоть одно такое благородное дело, как то, из-за которого я попал в плен.

Советник подает знак ратсгеру, тот дергает звонок.

Я вышел в поле не из-за низменной корысти, не для того, чтобы отнять земли и людей у беззащитных и слабых; я вышел, чтобы освободить моего отрока и защитить свою шкуру! Что вы в этом видите незаконного? Императору и империи нет дела до наших бед. У меня, слава богу, одна рука еще есть, и я хорошо сделал, что пустил ее в ход.

Граждане входят с рогатинами в руках, с оружием у пояса.

Что это значит?

Советник. Вы не хотите слушать? Возьмите его!

Гец. Это ваше мнение? Кто не венгерский бык — тот пусть не подходит близко! От этой правой железной руки он получит такую затрещину, что навеки излечится от головной, зубной и всякой прочей боли.

Они наступают на него, он сбивает одного с ног, срывает у другого меч с

пояса.

Они отступают.

Подойдите! Подойдите! Мне было бы очень приятно познакомиться с самым храбрым из вас.

Советник. Сдавайтесь!

Гец. С мечом в руке? А знаете ли вы, что теперь только от меня зависит пробиться сквозь всю эту свору и вырваться на волю! Но я научу вас, как держать слово. Обещайте мне рыцарское заточение, и я отдам мой меч и снова стану вашим пленником.

Советник. Вы с мечом в руках хотите договориться с императором?

Гец. Боже сохрани! Только с вами и с вашей честной компанией. Вы можете идти домой, добрые люди. За потерю времени вам ничего не дадут, а здесь взять нечего — кроме синяков.

Советник. Схватить его! Разве любовь ваша к императору не дает вам больше мужества?

Гец. Дает столько же, сколько император даст пластыря, чтобы залечить раны, которые причинит им их мужество.

Входит **судебный служитель.**

Судебный служитель. Дозорный кричит, что к городу приближается отряд более чем в двести человек. Они неожиданно показались из-за виноградников и угрожают нашим стенам.

Ратсгер. Горе нам! Что это значит?

Входит **дозорный.**

Дозорный. Франц фон Зикинген стоит у городских ворот. Он велел сказать вам: он узнал, что клятва, данная его зятю, недостойно нарушена, чему способствовали гейльбронские власти. Он требует удовлетворения, иначе — по истечении часа — он зажжет город с четырех концов и предаст его разграблению!

Гец. Молодец зять!

Советник. Удалитесь, Гец!

Гец уходит.

Что нам делать?

Ратсгер. Сжальтесь над нами и над нашими согражданами! Зикинген неукротим в своем гневе и способен выполнить угрозу.

Советник. Неужели нам отступить от наших прав и от прав нашего императора?

Капитан. Если бы у нас были люди, чтоб защитить эти права! А так — мы погибнем, и дело от этого только ухудшится. Уступая — мы выиграем.

Ратсгер. Мы попросим Геца замолвить за нас слово. Мне чудится, что я уже вижу город в пламени.

Советник. Введите Геца!

Гец. В чем дело?

Советник. Ты бы хорошо поступил, если бы отговорил своего зятя от его мятежных намерений. Вместо того чтобы спасти, он толкает тебя к гибели, вмешиваясь в твое дело.

Гец (*видит Елизавету в дверях, тихо ей*). Иди, скажи ему, чтобы он тотчас же вторгся в город и пришел сюда, но пусть не причиняет никакого вреда населению. Если эти негодяи будут сопротивляться, пусть применит силу. Я согласен даже погибнуть, если и они все будут переколочены со мной вместе.

БОЛЬШАЯ ЗАЛА В РАТУШЕ

Зикинген. Гец.

Вся ратуша занята рейтарами Зикингена.

Гец. Вот уж поистине помощь с неба! Как ты попал сюда, мой желанный и неожиданный зять?

Зикинген. Колдовства в том нет. Я выслал двух-трех гонцов, чтобы узнать, как идут твои дела. При вести об их вероломстве я двинулся в путь. Теперь они в наших руках.

Гец. Я желаю только рыцарского заточения.

Зикинген. Ты слишком честен. Не использовать того преимущества, которое честный имеет перед клятвопреступником! Они сидят в неправде, и не нам подкладывать им подушки. Они постыдно злоупотребили велениями императора. И — насколько я знаю его величество — ты смело можешь требовать большего. Это слишком мало.

Гец. Я всегда довольствовался малым.

Зикинген. И всегда был в накладе. Мое мнение таково: они должны освободить из тюрьмы твоих латников и тебя вместе с ними и отпустить вас на честное слово в твой замок. Ты можешь обещать им не покидать своих владений. И все же тебе там будет лучше, чем здесь.

Гец. Они скажут, что мои земли перешли к императору.

Зикинген. Тогда мы скажем, что ты берешь их по найму до тех пор, пока император не даст их тебе снова в лен. Пусть вертятся, как угри в верше, — от нас им не ускользнуть. Они станут говорить об его императорском величестве и о своих полномочиях. Нам это безразлично. Я тоже знаю императора и кое-что для него значу. Он всегда хотел иметь тебя в своем войске. Ты не засидишься — он скоро призовет тебя.

Гец. Дай бог, чтобы поскорее, пока я не разучился биться.

Зикинген. Отваге нельзя разучиться, как нельзя и научиться. Не тревожься ни о чем! Когда дела твои устроятся, я поеду ко двору, потому что замысел мой созрел. Благоприятные предзнаменования велят мне: начни! Мне остается только выяснить, каковы настроения императора. Трир и Пфальц ожидают скорее падения небес, чем того, что я свалюсь им на голову. Я примчусь, как гроза! И если нам удастся устроить нашу судьбу, — то ты скоро будешь зятем курфюрста. Я надеялся на твой кулак, замышляя это.

Гец (*смотрит на свою руку*). О! Так вот что значил сон, который я видел накануне того дня, в который обещал Марию Вейслингену. Он мне клялся в верности и сжал мою правую руку так крепко, что она вышла из поручней и как бы обломилась. Ах, ныне я беззащитней, чем был в тот миг, когда ее отстрелили. Вейслинген! Вейслинген!

Зикинген. Забудь предателя. Мы разрушим его козни и подорвем его влияние, а совесть и стыд пусть сведут его в могилу. Я вижу, вижу духовными очами, что мои враги и твои враги будут ниспровергнуты. Гец, еще только полгода!

Гец. Полет души твоей высок. Не знаю почему, но с недавних пор моя душа уже не ждет радостей. Я не раз бывал и в горшей беде, был я и в плену, но так, как сейчас, я себя никогда не чувствовал.

Зикинген. Счастье дает отвагу! Идем к парикам! Довольно им толковать, теперь мы потрудимся.

ЗАМОК АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда. Вейслинген.

Адельгейда. Это ужасно!

Вейслинген. Я скрежетал зубами. Такой чудесный замысел, такое удачное выполнение — и в конце концов он отпущен в свой замок! Проклятый Зикинген!

Адельгейда. Они не должны были этого делать.

Вейслинген. Им не было выбора. Что они могли поделать? Зикинген грозил огнем и мечом, надменный, бешеный человек! Ненавижу его! Его влияние растет, как ноток, который если поглотил один-два ручья, то остальные впадают сами собой.

Адельгейда. Разве не было у них императора?

Вейслинген. Милая жена, он — лишь тень императора, он становится стар и слаб. Когда он узнал о том, что случилось и я стал горячиться так же, как и все остальные военачальники, он сказал: «Оставьте их в покое! Ведь могу же я дать местечко старому Гецу, и если он там будет сидеть тихо, на что вам тогда жаловаться?» Мы заговорили о благе государства. «О, — сказал он, — если бы у меня нашлись советники, которые направили бы мой беспокойный дух на счастье отдельных лиц!»

Адельгейда. Он утрачивает дух правителя.

Вейслинген. Мы ополчились на Зикингена. «Он — мой верный слуга, — сказал он. — Если он это сделал и не по моему повелению, то волю мою он все-таки выполнил лучше, чем те, кого я облек властью, не все ли равно, когда я его одобрил — тогда или теперь».

Адельгейда. Можно лопнуть от злобы.

Вейслинген. Поэтому-то я еще и не отказался от всякой надежды. Он отпущен в свой замок на рыцарское слово, чтобы жить там спокойно. Это для него невозможно. Вскоре у нас снова окажется предлог для того, чтобы действовать против него.

Адельгейда. Тем более что есть надежда на близкую кончину императора, а Карл, его прекрасный наследник, обещает проявить более царственный образ мыслей.

Вейслинген. Карл? Он еще не выбран и не коронован.

Адельгейда. Кто не желает этого, кто не надеется на это?

Вейслинген. Ты очень высокого мнения о его достоинствах, можно почти подумать, будто ты глядишь на них другими глазами.

Адельгейда. Ты оскорбляешь меня, Вейслинген. Неужели ты меня считаешь способной на это?

Вейслинген. Я не хотел тебя обидеть. Но я не могу молчать об этом. Необычайное внимание Карла к тебе тревожит меня.

Адельгейда. А мое обращение с ним?

Вейслинген. Ты — женщина. Вам мил всякий, кто за вами волочится.

Адельгейда. А вам?

Вейслинген. Она грызет мне сердце, эта страшная мысль! Адельгейда!

Адельгейда. Как я вылечу твоё безумие?

Вейслинген. Если б ты пожелала! Ты могла бы удалиться от двора.

Адельгейда. Укажи средства и способ. Разве ты не при дворе? Почему я должна оставить тебя и моих друзей, чтобы в моем замке беседовать с совами? Нет, Вейслинген, из этого ничего не выйдет. Успокойся, ты знаешь, как я люблю тебя.

Вейслинген. Священный якорь среди этой бури, пока не порвется канат. *(Уходит.)*

Адельгейда. Ах, вот ты как! Этого еще не хватало! Я ношу в груди моей слишком великие замыслы, чтобы ты мог им стать поперек дороги! Карл! Великий, необычайный муж и вместе с тем император! И неужели он должен быть тем единственным из мужчин, которого не прельстит моя благосклонность? Нет, Вейслинген, не пробуй помешать мне, иначе ты сойдешь в могилу, и я перешагну через нее.

Входит **Франц** с письмом.

Франц. Вот, госпожа моя.

Адельгейда. Карл сам дал его тебе?

Франц. Да.

Адельгейда. Что с тобой? У тебя такой скорбный вид.

Франц. Вы хотите, чтобы я умер от тоски. Вы заставляете меня в годы надежды приходить в отчаяние.

Адельгейда (*про себя*). Мне так жаль его — и мне бы так мало стоило сделать его счастливым! (*Вслух.*) Утешься, мальчик! Я знаю твою любовь и верность и сумею отблагодарить тебя.

Франц (*взволнованно*). Если б вы мне не верили — я бы умер. Боже мой! Во мне нет ни одной капли крови, которая не была бы вашей, ни одной мысли кроме той, что я люблю вас и сделаю все, что вам угодно!

Адельгейда. Милый мальчик!

Франц. Вы лстите мне. (*Разражается рыданиями.*) Если преданность эта не заслуживает ничего, кроме предпочтения, оказываемого другим, и сознания, что все помыслы ваши стремятся к Карлу...

Адельгейда. Ты сам не знаешь, чего хочешь, и еще того менее — что говоришь.

Франц (*от гнева и негодования топает ногой*). Довольно с меня! Не желаю больше быть посредником!

Адельгейда. Франц, ты забываешься!

Франц. Жертвовать мной! Моим милым господином!

Адельгейда. Уйди с глаз моих!

Франц. Госпожа моя!

Адельгейда. Иди, открой мою тайну твоему милому господину! Я была душой, что приняла тебя не за то, что ты есть.

Франц. Возлюбленная госпожа моя, ведь вы знаете, что я люблю вас.

Адельгейда. И ты был мне другом, столь близким моему сердцу! Иди, предай меня!

Франц. Раньше я вырву сердце из груди моей! Госпожа моя, простите мне! Сердце мое так полно, что я вне себя.

Адельгейда. Милый, пылкий мальчик! (*Берет его за руку, притягивает к себе, и их губы встречаются; он, рыдая, бросается ей на шею.*)

Адельгейда. Пусти меня!

Франц (*задыхаясь от слез на ее груди*). Боже! Боже!

Адельгейда. Пусти меня — у стен есть уши. Пусти! (*Высвобождается.*) Будь непоколебим в своей любви и верности, и высочайшая награда ждет тебя. (*Уходит.*)

Франц. Высочайшая награда! Лишь дай мне дожить до этого дня! Я б убил отца моего, если бы он стал оспаривать у меня это место!

ЯКСТГАУЗЕН

Гец — у стола. **Елизавета** — возле него с работой. На столе стоят светильник и письменный прибор.

Гец. Ах, праздность мне не по вкусу! С каждым днем все теснее в заточении. Я хотел бы уснуть или хоть вообразить, что в покое есть что-то приятное.

Елизавета. Так закончи свои записки, которые ты начал. Дай в руки друзей твоих доказательство, при помощи которого они могли бы посрамить врагов твоих, доставь благородному потомству радость узнать тебя.

Гец. Ах! Писание — трудолюбивая праздность, мне противно писать. Пока я пишу о том, что совершил, я досаую на потерю того времени, в которое я мог бы что-нибудь совершить.

Елизавета (*берет рукопись*). Не надо чудить! Ты как раз остановился на первом плену своем в Гейльброне.

Гец. Он всегда был для меня роковым местом.

Елизавета (*читает*). «Даже некоторые союзники, находившиеся там, сказали мне, что я поступил неразумно, отдавшись в руки моих злейших врагов, так как я мог предполагать, что они не будут ко мне милостивы. Тут я ответил...» Ну, что же ты ответил? Пиши дальше.

Гец. Я сказал: если я часто подвергал жизнь свою опасности за чужое достояние, не должен ли я подвергать ее опасности, чтобы сдержать свое слово?

Елизавета. Эту славу ты заслужил.

Гец. Ее они у меня не отнимут. Они все у меня отняли: имение, свободу.

Елизавета. Это было в те дни, когда я встретила на постоялом дворе людей из Мильтенберга и Зинглингена, которые не знали меня. Вот радость была мне! Точно я сына родила! Они славили тебя в один голос и говорили: «Он образец рыцаря — смел и благороден на воле, тверд и верен в беде».

Гец. Пусть они мне хоть одного покажут, которому я не сдержал слова! И видит бог, что я больше попотел, служа своему ближнему, нежели себе самому, и зарабатывал себе имя храброго и верного рыцаря, а не богатства и почести. И — благодарение богу — я получил то, чего добивался.

Лерзе, Георг с дичиной.

С удачей, удалые охотники!

Георг. Мы в них превратились из удалых рейтаров. Из сапог не трудно сделать опорки.

Лерзе. Охота все-таки нечто: она — род войны.

Георг. Если б только в наших краях не приходилось все время иметь дело с имперскими латниками. Помните, господин мой, вы нам предсказывали, что, когда мир перевернется, мы станем охотниками. Мы ими стали и без того.

Гец. Одно на одно и выходит: мы выбиты из колеи.

Георг. Наступают трудные времена! Уж восемь дней, как появилась грозная комета, и вся Германия в страхе, — она предвещает смерть императора, который очень болен.

Гец. Очень болен! Путь наш близится к концу!

Лерзе. А здесь по соседству есть и еще более страшные перемены. Крестьяне подняли ужасное восстание.

Гец. Где?

Лерзе. В сердце Швабии. Они грабят, жгут и режут. Боюсь, что они опустошат всю страну.

Георг. Началась страшная война. Они восстали уже в сотне мест, и волнения с каждым днем разрастаются. Недавно буря вырвала целые леса, а вслед за этим в той местности, где началось восстание, в воздухе появились два скрещенных огненных меча.

Гец. Верно, там невинно страдают мои добрые друзья!

Георг. Жаль, что нам нельзя больше делать наездов!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА. В ДЕРЕВНЕ СУМАТОХА И ГРАБЕЖ

Женщины и старики с детьми и пожитками. Бегство.

Старик. Прочь отсюда! Прочь! Лишь бы спастись от этих живодеров!

Женщина. Боже правый! Небо багрово, как кровь! Багрово заходящее солнце, как кровь!

Мать. Это огонь.

Женщина. Муж мой! Муж мой!

Старик. Прочь! Прочь! В лес!

Проходят.

Линк (*входит*). Кто станет сопротивляться — коли на месте! Деревня наша! Не оставлять ничего съестного. Грабьте дочиста, да поживей. Сейчас мы подожжем.

Мецлер сбегает с холма.

Мецлер. Как дела, Линк?

Линк. Взгляни кругом, — ты пришел напоследок. Откуда?

Мецлер. Из Вейнсберга. Там был праздник.

Линк. Как там?

Мецлер. Мы так их всех перекололи — одно удовольствие!

Линк. Кого всех?

Мецлер. Открыл бал Дитрих фон Вейлер. Вот рожа! Мы стояли кругом всей разъяренной ватагой, а он вздумал сверху, с колокольни, сговориться с нами по-хорошему. Паф! Один попал ему в голову. Мы вихрем наверх, и малый полетел вниз.

Линк. А!

Мецлер (*крестьянам*). Эй вы, собаки! Уносите ноги! Чего они валандаются и копаются, ослы!

Линк. Зажигай! Пускай их изжарятся! Прочь! Убирайтесь, простофили!

Мецлер. Затем мы выволокли Гельфенштейна, Эльтерсгофена и еще тринадцать дворян. Всего их было штук восемьдесят. Вывели мы их на равнину близ Гейльброна. И какое тут началось улюлюканье, ликование, когда мы завидели длинную вереницу тоскливо озирающихся сиятельных грешников! Мы мигом их окружили и всех перекололи до единого.

Линк. И меня там не было!

Мецлер. Я в жизни своей так не веселился.

Линк. Убирайтесь! Вон!

Крестьянин. Все пусто.

Линк. Так зажигай со всех концов!

Мецлер. Славный огонек будет! Если б ты видел, как эти парни кувыркались и квакали, как лягушки! У меня сердце разгоралось, как от стакана водки. Там был такой Риксингер. Этот парень раньше выезжал на охоту с султаном на шлеме, задравши нос, и гнал нас перед собой вместе с собаками и как собак. Я давненько его не встречал, а тут вдруг вижу его харю! Хвать! Пику ему в ребра! Тут он и свалился всеми четырьмя лапами на своих товарищей. Парни корчились в куче, как зайцы после гона.

Линк. Здорово занялось!

Мецлер. И сзади горит. Давай лучше заберем добычу и примкнем к главной ватаге.

Линк. А где она, главная-то ватага?

Мецлер. На дороге в Гейльброн. Они хотят подыскать предводителя, которого бы уважал весь народ. Ведь мы все-таки им ровня. Они это чувствуют, и с ними поладить легко.

Линк. О ком же вы думали?

Мецлер. О Максе Штумпфе или Геце фон Берлихингене.

Линк. Было бы хорошо, если б взялся Гец, — это бы делу дало другой вид. Он всегда слыл за справедливого рыцаря. В путь! В путь! Мы идем в Гейльброн! Сзывай всех!

Мецлер. Огонь еще посветит нам добрую часть пути. Ты видел большую комету?

Линк. Да. Это грозное, страшное знаменье! Если мы будем идти всю ночь, мы как раз ее увидим. Она восходит около часа.

Мецлер. И стоит лишь час с четвертью. И на вид — как согнутая рука с мечом — вся кроваво-желто-багровая.

Линк. А ты заметил три звезды — на острие и у рукоятки?

Мецлер. И широкий дымчатый хвост с тысячью тысяч полос, подобных копьям, а между ними — словно маленькие мечи.

Линк. Меня дрожь пробрала. Все такое бледно-алое, кое-где яркие языки пламени, и

среди них свирепые лица с косматыми волосами и бородами.

Мецлер. Так ты их тоже видел? И все это дрожит и сливается, точно погружается в кровавое море, и мерцает так, что голова идет кругом.

Линк. В путь! В путь!

Уходят.

ПОЛЕ. ВДАЛИ ГОРЯТ ДВЕ ДЕРЕВНИ И МОНАСТЫРЬ

Коль. Вильд. Макс Штумпф. Ватага.

Штумпф. Вы не должны требовать, чтобы я стал вашим предводителем. Это было бы бесполезно и для меня и для вас. Я служу пфальцграфу, как же мне идти против моего господина? Вам всегда будет казаться, что я это делаю не от чистого сердца.

Коль. Мы так и знали, что ты найдешь отговорку.

Входят **Гец, Лерзе и Георг.**

Гец. Что вы хотите от меня?

Коль. Вы должны быть нашим предводителем.

Гец. Значит, я должен нарушить мое рыцарское слово, данное императору, и самовольно выйти из заточения?

Вильд. Это не оправдание.

Гец. Да если б я и был совершенно свободен, а вы бы захотели поступать с дворянами и помещиками так же, как при Вейнсберге, продолжая хозяйничать в стране, которая вся пылает и истекает кровью, и требовали бы, чтобы я принял участие в ваших постыдных и неистовых деяниях, то скорей бы я дал убить себя, как бешеную собаку, чем стал бы во главе такого войска!

Коль. Если б это уже не случилось, оно б, может быть, не случилось никогда.

Штумпф. В том-то и заключалось все несчастье, что у них не было предводителя, которого бы они почитали и который сдерживал бы их ярость. Гец, прошу тебя, прими над ними начальство. Князья и вся Германия сумеют отблагодарить тебя. Все пойдет к лучшему, восторжествует справедливость. Страна и люди будут спасены.

Гец. Почему ты за это не возьмешься?

Штумпф. Я уже отказался.

Коль. Время у нас не покупное, чтобы долго болтать попусту. Короче. Гец, будь нашим начальником или береги замок и шкуру! И вот тебе два часа на размышления. Стерегите его!

Гец. Это ни к чему! Мое решение неизменно. Зачем вы восстали? Чтобы вернуть себе права и вольности? Чего же вы неистовствуете и опустошаете страну? Если вы откажетесь от всех злодеяний и будете вести себя, как честные люди, которые знают, чего хотят, тогда и я буду поддерживать ваши притязания и на восемь дней стану во главе вас.

Вильд. Что случилось, то случилось сгоряча, тебе не придется больше нас удерживать.

Коль. Обещай нам быть с нами, по крайней мере, три месяца.

Штумпф. Пусть будет четыре недели, этим обе стороны должны быть довольны.

Гец. Быть по сему!

Коль. Вашу руку!

Гец. И клянись мне разослать по всем отрядам письменное условие, заключенное со мною. Пусть выполняют его строго-настрого — под страхом кары.

Вильд. Ну конечно. Будет сделано.

Гец. Итак, я заключаю с вами союз на четыре недели.

Штумпф. В добрый час! Но что бы ты ни предпринял — щади благородного господина нашего — пфальцграфа.

Коль (*тихо*). Стерегите его! Чтоб никто с ним не говорил без вас.

Гец. Лерзе! Ступай к жене моей и не оставляй ее. Я скоро пришлю ей вести о себе.

Гец, Штумпф, Георг, Лерзе и некоторые крестьяне уходят.

Входят **Мецлер** и **Линк**.

Мецлер. О каких это условиях мы слышали? На что нам эти условия?

Линк. Стыдно заключать такие условия.

Коль. Мы так же хорошо знаем, чего хотим, как и вы, и будем делать, что нам вздумается.

Вильд. Неистовства, поджоги и убийства должны же были рано или поздно прекратиться, теперь мы зато получили славного начальника!

Мецлер. Как прекратиться! Ах ты предатель! Мы здесь зачем? Чтобы отомстить нашим врагам, чтоб добыть свободу! Это вам княжеский блюдолиз присоветовал.

Коль. Идем, Вильд. От них толку, что от скотов.

Уходят.

Мецлер. Идите себе! К вам ни одна ватага не примкнет. Мерзавцы! Линк, подбьем-ка мы остальных поджечь Мильтенберг, а если выйдет грызня из-за условия, так мы всем этим условщикам головы снесем.

Линк. Ведь главная ватага на нашей стороне.

ГОРА И ДОЛИНА. В ГЛУБИНЕ МЕЛЬНИЦА

Отряд рейтаров. Вейслинген в сопровождении **Франца** и **гонца** выходит из дверей мельницы.

Вейслинген. Коня! Ты оповестил других владельцев?

Гонец. В лесу за Мильтенбергом к вам присоединятся по меньшей мере семь эскадронов. Крестьяне обходят, понизу. Гонцы разосланы повсюду. Вскоре соберутся все союзники. Неудачи быть не может, говорят, они перессорились.

Вейслинген. Тем лучше! Франц!

Франц. Да, господин мой!

Вейслинген. Исполни все точно. Это на твоей совести. Отдай ей письмо. Пусть покинет двор и едет в мой замок! Немедленно! Ты дождешься ее отъезда и сообщишь мне об этом.

Франц. Ваши приказания будут точно исполнены.

Вейслинген. Скажи ей, что она должна это сделать. (*Гонцу.*) Теперь веди нас лучшей и кратчайшей дорогой.

Гонец. Мы должны ехать кругом. От проливных дождей все реки вышли из берегов.

ЯКСТГАУЗЕН

Елизавета. Лерзе.

Лерзе. Утешьтесь, госпожа моя!

Елизавета. Ах, Лерзе, слезы стояли у него на глазах, когда он прощался со мной. Это ужасно, ужасно!

Лерзе. Он вернется.

Елизавета. Не в этом дело. Когда он шел в поход за славой и победой, сердце мое не болело. Я радовалась его возвращению, а теперь оно тревожит меня.

Лерзе. Такой благородный муж...

Елизавета. Не зови его так, — это причиняет мне новые страдания! Злодеи! Они грозили убить его и поджечь замок! Если он вернется — я знаю, что он будет мрачен, так мрачен! Враги его будут строчить лживые доносы, а он не сможет отрицать. Нет!

Лерзе. Он сможет и будет!

Елизавета. Он нарушил слово. Разве нет?

Лерзе. Нет. Он был вынужден. Где ж основания, чтобы осуждать его?

Елизавета. Злоба ищет не оснований, но повода. Он присоединился к мятежникам, злодеям, убийцам, он стал во главе их. Разве нет?

Лерзе. Перестаньте мучить себя и меня. Разве они сами не обещали ему торжественно, что не будут больше делать того, что было при Вейнсберге? Разве я не слышал, как они, как бы каюсь, говорили: «Не случись это раньше, этого, быть может, никогда бы не случилось». Разве князья и владетели не должны ему быть благодарны за то, что он добровольно стал предводителем разнузданной черни, чтобы остановить ее безумие и спасти людей и достояние их?

Елизавета. Ты — любящий защитник. Если они захватят его и объявят мятежником, то его седая голова... Лерзе! Я с ума сойду!

Лерзе. Отче наш, ниспосли покой телу ее, если не хочешь дать утешения ее душе!

Елизавета. Георг обещал приехать с вестями. И он не сможет этого сделать. Это хуже плена. Я знаю, — их сторожат, как врагов. Милый Георг! Он не захотел оставить своего господина!

Лерзе. Сердце мое истекало кровью, когда он отослал меня. Если б вы не нуждались в моей помощи, то все угрозы позорнейшей смерти не разлучили бы меня с ним.

Елизавета. Я не знаю, где Зикинген. Если б я только могла послать гонца к Марии.

Лерзе. Вы только напишите, а я уж об этом позабочусь. *(Уходит.)*

ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ

Гец. Георг.

Гец. Скорей на коня, Георг! Я вижу — Мильтенберг горит. Так-то соблюдают они условие! Скачи туда, объяви им мое решение. Убийцы! Я отрекаюсь от них. Пусть берут себе в начальники цыгана, а не меня. Скорей, Георг!

Георг уходит.

Я бы хотел быть за тысячу миль отсюда в глубочайшем подземелье Турции. Если б я мог с честью уйти от них! Я каждый день перечу им и говорю горьчайшие истины, чтобы стать им в тягость и получить свободу.

Неизвестный *(входит)*. Привет вам, благородный рыцарь!

Гец. Благодарю. Что скажете? Как ваше имя?

Неизвестный. Дело не в нем. Я пришел сказать вам, что ваша голова в опасности. Вожакам надоело слушать ваши жесткие слова, и они решили убрать вас с дороги. Будьте умеренны или ищите спасенья в бегстве, и да сохранит вас господь. *(Уходит.)*

Гец. Так расстаться с жизнью, Гец! Так завершить свое поприще! Пусть будет так! Тогда смерть будет для мира лучшим доказательством того, что я не имел ничего общего с этими псами.

Несколько крестьян.

Первый крестьянин. Господин! Господин! Их разбили, их поймали!

Гец. Кого?

Второй крестьянин. Тех, что сожгли Мильтенберг. Из-за горы вышел союзный отряд и застал их врасплох.

Гец. Поделом! О Георг! Георг! Они захватили его вместе со злодеями! Георг мой! Георг мой!

Входят **предводители.**

Линк. В путь, рыцарь, в путь! Не время медлить. Враг силен, он близко.

Гец. Кто сжег Мильтенберг?

Мецлер. Если вы будете разводить церемонии, так вас научат, как не церемониться.

Коль. Подумайте о своей и нашей шкуре. В путь! В путь!

Гец (Мецлеру). Так ты мне грозишь? Ты, негодяй? Думаешь, я тебя испугаюсь, потому что кровь графа Гельфенштейна запеклась на твоей одежде?

Мецлер. Берлихинген!

Гец. Имя мое можно назвать, и дети мои не будут его стыдиться.

Мецлер. Трус! Княжий холоп!

Гец наносит ему удар по голове, тот падает, остальные бросаются между ними.

Коль. Вы взбесились! Враг прет со всех сторон, а вы ссоритесь.

Линк. В путь! В путь!

Шум сраженья.

Вейслинген. Рейтары.

Вейслинген. В погоню! В погоню! Они бегут. Пусть не остановят вас ни ночь, ни дождь! Я слышал — Гец среди них. Приложите все усилия, чтобы схватить его! Говорят — он тяжело ранен.

Рейтары уходят.

Только б ты попался мне! Это еще будет милость, если мы тайно в тюрьме казним тебя. Он угаснет в памяти людской, и ты вздохнешь свободно, безумное сердце. *(Уходит.)*

НОЧЬ В ГЛУХОМ ЛЕСУ. ЦЫГАНСКОЕ КОЧЕВЬЕ

Цыганка-мать у огня.

Мать. Залатай навес над ямой, дочка, сегодня дождь так и льет.

Входит **мальчик.**

Мальчик. Хомяк, мама! Вот! Две полевых мыши.

Мать. Обдеру их и сжарю тебе, и шапка из шкурок будет. Ты в крови?

Мальчик. Хомяк куснул.

Мать. Тащи сухих дров, чтоб огонь пылал, отец придет насквозь мокрый.

Еще **цыганка**, за спиной ребенок.

Первая цыганка. Много накланчила?

Вторая цыганка. Нет, немного. Вся округа полна смуты — тут и за жизнь свою не ответишь. Две деревни огнем горят.

Первая цыганка. Так он от пожара — этот отсвет? Давно я на него смотрю! К огненным знаменям в небе все теперь привыкли.

Входит **предводитель** цыган с **тремя товарищами.**

Предводитель. Охотника дикого слышите?

Первый цыган. Сейчас он мчится над нами.

Предводитель. Как собаки лают! Вау! Вау!

Второй цыган. Бичи щелкают.

Третий цыган. Охотники кличут. Хола! хо!

Мать. Давайте чертову поклажу!

Предводитель. В мутной воде рыбки наловили. Крестьяне грабят, так нам и бог велел.

Вторая цыганка. Что у тебя, Вольф?

Вольф. Вот заяц, вот петух. Вертел. Кусок полотна. Три чумички и узда.

Шрикс. У меня шерстяная попона, пара сапог и огниво с трутом.

Мать. Все промокло, как пес, дай — высушу.

Предводитель. Чу, конь! Пойдите взгляните, кто там!

Гец на коне.

Гец. Слава богу, я вижу огонь. Это — цыгане. Мои раны кровоточат. Враги следом за мной. Боже правый! Страшный конец посылаешь ты мне!

Предводитель. Ты приходишь с миром?

Гец. Я молю вас о помощи. Раны истомили меня. Помогите мне сойти с коня.

Предводитель. Помочь ему! Благородный рыцарь по осанке и речи!

Вольф (*тихо*). Это — Гец фон Берлихинген.

Предводитель. Добро пожаловать! Все, что у нас есть, — ваше.

Гец. Благодарю вас.

Предводитель. Пойдемте в мой шатер.

ШАТЕР ПРЕДВОДИТЕЛЯ

Предводитель и **Гец.**

Предводитель. Позовите мать, пусть принесет кореньев, чтоб остановить кровь, и мазей.

Гец снимает доспех.

Вот мой праздничный кафтан.

Гец. Да наградит вас господь!

Мать перевязывает его.

Предводитель. Я от всего сердца рад видеть вас у себя.

Гец. Вы меня знаете?

Предводитель. Кто же вас не знает? Гец, мы отдадим за вас жизнь и кровь нашу.

Входит **Шрикс.**

Шрикс. Лесом идут рейтары. Это — союзники.

Предводитель. Ваши преследователи! Им вас не видать! Вперед, Шрикс! Зови других! Мы знаем все лазейки лучше, чем они, мы перебьем их раньше, чем они нас разыщут.

Гец (*один*). О император! Император! Разбойники охраняют детей твоих.

Слышна частая стрельба.

Эти дикари — люди верные, хотя на вид и страшны.

Входит **цыганка**.

Цыганка. Спасайтесь! Враги одолевают!

Гец. Где мой конь?

Цыганка. Здесь рядом.

Гец (*опоясывается мечом и садится в седло, не надевая лат*). Пусть в последний раз почувствуют тяжесть руки моей. Я еще не совсем ослабел. (*Уезжает.*)

Цыганка. Он мчится к нашим.

Общее бегство.

Вольф. Прочь! Прочь! Все пропало! Наш предводитель убит, Гец — в плену!

Вопли женщин и общее бегство.

СПАЛЬНЯ АДЕЛЬГЕЙДЫ

Адельгейда с письмом в руке.

Адельгейда. Он или я! Дерзкий! Угрожать мне! Мы предупредим тебя. Кто это крадется по зале?

Стук.

Кто там?

Франц (*тихо*). Откройте мне, госпожа моя.

Адельгейда. Франц! Он заслуживает того, чтобы я ему открыла. (*Впускает его.*)

Франц (*бросается ей на шею*). Милая госпожа моя!

Адельгейда. Бесстыдный! Что, если бы тебя кто-нибудь услышал?

Франц. О, все спит! Все!

Адельгейда. Зачем ты здесь?

Франц. Мне нет покоя. Угрозы моего господина, ваша судьба, мое сердце...

Адельгейда. Он был очень гневен при расставании?

Франц. Таким я его еще никогда не видел. «Она должна ехать в мои поместья, — сказал он, — она должна желать этого».

Адельгейда. И мы его послушаем?

Франц. Я ничего не знаю, госпожа моя!

Адельгейда. Глупый, обманутый мальчик, ты не видишь, к чему это клонится. Он знает, что я здесь в безопасности. Он давно уже замышляет лишить меня свободы. Он хочет заманить меня в свои владения. Там в его власти будет поступать со мной так, как внушит ему ненависть.

Франц. Этому не бывать!

Адельгейда. Тебе ли удержать его?

Франц. Этому не бывать!

Адельгейда. Я предвижу все муки мои. Он силой увезет меня из своего замка, он заточит меня в монастырь.

Франц. Смерть и ад!

Адельгейда. Ты спасешь меня?

Франц. Я пойду на все! На все!

Адельгейда (*плача, обнимает его*). Ах, Франц, если б мы спаслись!

Франц. Он должен пасть, я растопчу его!

Адельгейда. Бешенства не надо! Ты получишь письмо к нему, полное покорности, о том, что я подчиняюсь. А из этого флакона влей ему в питье.

Франц. Дайте! Вы будете свободны!

Адельгейда. Свободна! Тогда ты не будешь красться ко мне дрожа, и я уже не скажу тебе испуганно: «Пора, Франц, наступает утро».

ГЕЙЛЬБРОН. ВОЗЛЕ ТЕМНИЦЫ

Елизавета. Лерзе.

Лерзе. Да облегчит господь страдания ваши, госпожа моя. Мария здесь.

Елизавета. Слава богу! Лерзе, мы погрузились в пучину ужаснейших бед. Все случилось так, как я предчувствовала! Схвачен, как бунтовщик, как злодей, брошен в глубочайшее подземелье.

Лерзе. Я знаю все.

Елизавета. Ничего, ничего ты не знаешь. Несчастье слишком велико! Его старость, его раны, изнурительная лихорадка и всего более сумрак души — все это убьет его.

Лерзе. Также и то, что этот Вейслинген назначен комиссаром.

Елизавета. Вейслинген?

Лерзе. Начались неслыханные казни. Мецлер сожжен живым, колесуют, колют, обезглавливают, четвертуют сотнями. Вся страна кругом обращена в бойню, где мясо человеческое дешево.

Елизавета. Вейслинген — комиссар! О, боже! Луч надежды! Пусть Мария поедет к нему — ей он ни в чем не сможет отказать. У него все-таки нежное сердце, и когда он увидит ту, которую так любил и которая теперь так из-за него страдает... Где она?

Лерзе. Еще в гостинице.

Елизавета. Веди меня к ней. Она должна ехать сейчас же! Я боюсь самого худшего.

ЗАМОК ВЕЙСЛИНГЕНА

Вейслинген.

Вейслинген. Я так болен, так слаб. Все кости мои иссохли. Изнуряющая лихорадка высосала из них мозг. Ни отдыха, ни покоя — ни днем, ни ночью. И в полузабытьи отравляющие сны. Прошлую ночь я встретил в лесу Геца. Он обнажил меч и бросил мне вызов. Я схватился за оружие — рука не повиновалась мне. Он вложил меч в ножны, презрительно взглянул на меня и прошел мимо. Он в плену, а я дрожу перед ним! Жалкий человек! Словом твоим он осужден на смерть, а ты дрожишь перед сновидением, как злодей! И неужели он должен умереть? Гец! Гец! Мы, люди, действуем не сами, — мы отданы во власть злым духам. Это их адская злоба ведет нас к гибели. (*Садится.*) Изнемогаю! Изнемогаю! Отчего ногти

мои так сини? Ледяной, едкий пот обессиливает все мои члены. Все кружится у меня перед глазами. Если б я мог уснуть! Ах!

Появляется **Мария**.

Исус! Мария! Оставь меня в покое! Оставь меня в покое! Этого призрака еще не доставало! Она умирает, Мария умирает, и вот она явилась мне! Оставь меня, блаженный дух, я и без того слишком несчастен.

Мария. Вейслинген, я не дух! Я — Мария.

Вейслинген. Это ее голос.

Мария. Я пришла молить тебя о жизни моего брата. Он невинен, каким бы виновным ни казался.

Вейслинген. Молчи, Мария! Ты, ангел небесный, приносишь с собою муки ада. Ни слова больше!

Мария. И брат мой должен умереть? Вейслинген, разве не чудовищно то, что я должна тебя убеждать в его невинности, что я стенаниями должна удерживать тебя от гнуснейшего убийства? Душа твоя до последних глубин во власти вражьей силы. И это — Адельберт!

Вейслинген. Ты видишь — всепожирающее дыхание смерти коснулось меня, силы мои близятся к концу. Я умираю, злосчастный, а ты приходишь, чтобы повергнуть меня в отчаяние. Если бы я мог говорить, твоя великая ненависть истаяла бы в сострадании и плаче! О Мария! Мария!

Мария. Вейслинген, брат мой страдает больной в темнице. Его тяжкие раны, его старость... И если ты способен... его седую голову... Вейслинген, мы предадимся отчаянию!

Вейслинген. Довольно! (*Дергает колокольчик.*)

Франц. Милостивый господин мой!

Франц в сильном волнении.

Вейслинген. Дай вон те бумаги, Франц!

Франц подает их.

(*Вскрывает пакет и показывает одну из бумаг Марии.*) Здесь подписан смертный приговор твоему брату!

Мария. Боже милосердный!

Вейслинген. И вот я разрываю его! Он будет жить! Но как я смогу восстановить то, что сам разрушил? Не плачь так, Франц! Славный мальчик, мои страдания глубоко трогают тебя.

Франц падает перед ним и обнимает его колени.

Мария (*про себя*). Он очень болен. Вид его надрывает мне сердце. Как я любила его! Теперь близ него я это так живо чувствую.

Вейслинген. Встань, Франц, и брось плакать! Я же могу еще выздороветь. Живые не должны терять надежды.

Франц. Вы не встанете! Вы должны умереть!

Вейслинген. Должен?

Франц (*вне себя*). Яд! Яд! От жены вашей! Я! Я! (*Бросается прочь.*)

Вейслинген. Мария, иди за ним. Он в отчаянии.

Мария выходит.

Яд от жены моей! Горе! Горе! Я его чувствую! Мука и смерть!

Мария (*за сценой*). Помогите! Помогите!

Вейслинген (*хочет встать*). Боже, я не в силах!

Мария (*входит*). Он погиб! Из окна залы он бешено ринулся в Майн.

Вейслинген. Счастливец! — Брат твой вне опасности. Остальные комиссары — особенно Зекендорф — его друзья. Они тотчас же отпустят его на честное слово в рыцарское заточение. Будь счастлива, Мария, и ступай!

Мария. Я останусь с тобой, несчастный, покинутый.

Вейслинген. Да, я покинут и несчастен! Страшен суд твой, господи! Жена моя...

Мария. Отгони эти мысли. Склони сердце свое к милосердию.

Вейслинген. Иди, чистая душа, предоставь меня моей скорби. Ужасно! Даже последнее утешение — твое присутствие, Мария, — стало мукой.

Мария (*про себя*). Боже! Укрепи меня! Душа моя изнемогает вместе с его душой.

Вейслинген. Горе! Горе! Яд от жены моей! Это чудовище совратило моего Франца! Как она ждет, как высматривает гонца, который принесет ей весть о том, что я мертв. И ты, Мария! Зачем пришла ты? Чтоб пробудить все уснувшие воспоминания о грехах моих? Оставь меня! Оставь меня, дай мне умереть.

Мария. Позволь мне остаться! Ты одинок. Представь себе, что я хожу за тобой. Забудь все! Пусть господь простит тебя так же, как я прощаю.

Вейслинген. Ты, душа, полная любви, молись за меня, молись за меня! Сердце мое замкнулось.

Мария. Он смилостивится над тобой. Ты измучен.

Вейслинген. Я умираю, умираю и не могу умереть. Муки ада в этой страшной борьбе между жизнью и смертью.

Мария. Милосердный, смилуйся над ним! Низведи лишь единый луч любви твоей в его сердце, чтобы оно открылось утешению и чтобы дух его перенес надежду, надежду на жизнь в самую смерть!

В ТЕСНОМ И МРАЧНОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Судьи тайного судилища. Все в масках.

Старейший. Судьи тайного судилища, вы клялись на мече и петле жить непорочно, судить сокровенно, карать сокровенно, подобно богу! Если чисты сердца и руки ваши, возденьте длани, возгласите злодеям: «Горе! Горе!»

Все. Горе! Горе!

Старейший. Глашатай! Приступи к суду!

Глашатай. Я, глашатай, призываю обвинять злодеев. Чье сердце чисто, чьи руки чисты, кто может клясться на мече и петле, тот обвиняй мечом и петлей! Обвиняй! Обвиняй!

Обвинитель (*выступает вперед*). Сердце мое чисто от злодеяний, руки — от неповинной крови. Прости мне, боже, злые помышления, прегради путь злым желаниям! Я воздел длань — и обвиняю! Обвиняю! Обвиняю!

Старейший. Кого обвиняешь ты?

Обвинитель. Обвиняю на мече и петле Адельгейду фон Вейслинген. Она повинна в прелюбодеянии и в отравлении мужа через его отрока. Отрок сам свершил над собой суд, супруг скончался.

Старейший. Клянешься ли ты перед богом правды, что правдивы слова твои?

Обвинитель. Клянусь.

Старейший. Если они окажутся ложью, предашь ли ты вину свою каре за убийство и прелюбодеяние?

Обвинитель. Предаю.

Старейший. Голоса ваши.

Судьи тайно с ним переговариваются.

Обвинитель. Судьи тайного судилища, какой приговор произнесли вы над Адельгейдой фон Вейслинген, повинной в убийстве и прелюбодеянии?

Старейший. Умереть должна она! Умереть двойною и горькою смертью. Пусть дважды искупит — через нож и петлю — двойное злодеяние. Возденьте руки и призовите на нее гибель! Горе! Горе! Предана в руки мстителю!

Все. Горе! Горе! Горе!

Старейший. Мститель! Мститель! Явись!

Мститель выступает вперед.

Возьми меч и петлю — и да исчезнет она с лица земли до истечения восьми дней. Где бы ни нашел ее — повергни ее во прах! Судьи, что судят сокровенно и карают сокровенно, подобно богу, берегите сердца ваши от злодеяний, руки — от неповинной крови!

ДВОР ГОСТИНИЦЫ

Мария. Лерзе.

Мария. Лошади достаточно отдохнули. В путь, Лерзе!

Лерзе. Отдохните до утра. Ночь уж очень неприветлива.

Мария. Лерзе, мне не будет покоя, пока я не увижу брата. Поедем. Погода разгуливается, день будет ясный.

Лерзе. Как прикажете.

ГЕЙЛЬБРОН. ТЕМНИЦА

Гец. Елизавета.

Елизавета. Милый муж мой, прошу тебя, поговори со мной. Твое молчание пугает меня. Оно тебя сжигает. Дай взглянуть на твои раны. Они заживают. Я не узнаю тебя более в этой унылой мрачности.

Гец. Ты ищешь Геца? Его давно уже нет. Они изувечили меня мало-помалу — лишили руки, свободы, имущества и доброго имени. Что мне в моей жизни? Есть вести о Георге? Лерзе поехал за ним?

Елизавета. Да, милый! Ободришь, еще все может измениться.

Гец. Кого ниспроверг господь, тот уже сам не подыметя. Я слишком хорошо знаю, что легло мне на плечи. Я привык переносить невзгоды. Но сейчас дело не в одном Вейслингене, не в одних крестьянах, не в смерти императора, не в моих ранах. Все соединилось вместе. Час мой настал. Я надеялся, что он будет таким же, как вся моя жизнь. Но да свершится его святая воля.

Елизавета. Не хочешь ли ты покушать?

Гец. Нет, жена моя. Взгляни, как на дворе солнце сияет!

Елизавета. Чудный весенний день.

Гец. Милая, если б ты могла уговорить тюремщика пустить меня на полчаса в его садик, чтобы я мог насладиться красным солнцем, ясным небом и чистым воздухом.

Елизавета. Сейчас! И он, конечно, позволит.

САДИК ПРИ ТЮРЬМЕ

Мария. Лерзе.

Мария. Сходи туда и взгляни, что там.

Лерзе уходит.

Елизавета. Тюремщик.

Елизавета. Да вознаградит вас господь за любовь и преданность моему господину.

Тюремщик уходит.

Мария, что привезла ты?

Мария. Безопасность брата. Ах, но сердце мое растерзано. Вейслинген умер, отравленный своей женой. Муж мой в опасности. Князья одолевают. Говорят, он осажден и заперт в своем замке.

Елизавета. Не верь слухам. И не давай ничего заметить Гецу.

Мария. Что с ним?

Елизавета. Я боялась, что он не доживет до твоего возвращения. Тяжко легла на него десница господня. А Георг умер.

Мария. Георг! Золотой мой мальчик!

Елизавета. Когда эти негодяи жгли Мильтенберг, господин отправил его, чтоб он остановил их. Вдруг на них ударил отряд союзников. Георг! Для того чтобы все они так дрались, как он, у них должна бы была быть и его чистая совесть. Многие были заколоты, и среди них — Георг. Он умер смертью воина.

Мария. Гец это знает?

Елизавета. Мы скрываем от него. Он десять раз в день спрашивает меня о нем, десять раз посылает меня разузнать, что с ним. Я боюсь нанести этот последний удар его сердцу.

Мария. О, боже! Как тщетны земные упования!

Гец. Лерзе. Тюремщик.

Гец. Боже всемогущий! Как хорошо под небом твоим! Как свободно! На деревьях наливаются почки, все полно надежды. Прощайте, мои любимые, корни мои подрублены, мощь моя клонится к могиле.

Елизавета. Можно послать Лерзе в монастырь за нашим сыном, чтобы ты еще раз взглянул на него и дал ему свое благословение?

Гец. Оставь его, он святей меня, мое благословение ему не нужно. В день нашей свадьбы не думалось мне, Елизавета, что я умру так. Мой старый отец благословил нас, и молитва его была полна надежды на потомство — благородных, смелых сыновей. Ты не внял ему, господи, и я — последний. Лерзе, мне еще радостней видеть тебя в час смерти, чем в жаркой сече. Тогда мой дух вел вас, теперь ты поддерживаешь меня. Ах, если б еще раз увидеть Георга — его вид согрел бы меня. Вы опустили глаза долу и плачете. Он умер... Георг умер... Умри, Гец, ты пережил самого себя, ты пережил благороднейших. Как он умер? Ах, они захватили его вместе с поджигателями и убийцами и он казнен?

Елизавета. Нет, он был заколот при Мильтенберге. Он дрался, как лев, за свою свободу.

Гец. Слава богу! Он был лучшим юношей на земле и храбрейшим. Отпусти ныне душу мою... Бедная жена! Я оставляю тебя в развращенном мире. Лерзе, не покидай ее... Замыкайте сердца ваши заботливее, чем ворота дома. Приходит время обмана, ему дана полная свобода. Негодяи будут править хитростью, и честный попадетсся в их сети. Мария, да возвратит тебе господь мужа твоего. Дай бог, чтобы он не пал столь же низко, сколь высоко был вознесен! Зельбиц умер, и добрый император, и Георг мой... Дайте мне воды... Небесный воздух...

Свобода! Свобода! (*Умирает.*)

Елизавета. Она лишь там, в вышине, с тобою. Мир — темница.

Мария. Благородный муж! Благородный муж! Горе веку, отвергнувшему тебя!

Елизавета. Горе потомству, если оно тебя не оценит!

Комментарии

В 1771 году в течение шести недель Гете написал «Драматизированную историю Готфрида фон Берлихингена с железною рукою». По совету своего друга Гердера Гете несколько переработал пьесу и сократил ее. В таком виде под названием «Гец фон Берлихинген с железною рукою» (Гец — уменьшительное от Готфрид) драма была впервые напечатана в 1773 году без имени автора. Уже в следующем году, без ведома Гете подвергшись сокращениям, драма эта была дважды поставлена на сцене — в Берлине и Гамбурге. В 1804 году, готовя текст для представления в Веймаре, Гете сам переработал свое произведение для сцены. Каноническим является текст 1773 года, с которого (с учетом некоторых позднейших исправлений) сделан настоящий перевод.

Источником сюжета драмы послужило жизнеописание Геца фон Берлихингена, написанное им самим в 1557 году и напечатанное впервые в 1731 году.

«Гец фон Берлихинген» — первое произведение Гете, принесшее ему известность во всей Германии. Драма выражает бунтарские настроения молодого Гете. В ней отразились идеи, типичные для движения «Бури и натиска», одним из вождей которого Гете стал благодаря этому произведению. Свободолюбивые стремления молодого поэта сочетались с вольной драматической формой, близкой к приемам Шекспира в его пьесах-хрониках и сознательно противопоставленной сковывающим нормам классицизма XVII–XVIII веков.

Действие драмы Гете происходит в XVI веке, когда не существовало единой Германии, как во времена Гете и позже. Страна была раздроблена на множество независимых феодальных государств, находившихся в постоянной вражде друг с другом. Номинально все германские государства, включая Австрию, были объединены в так называемую Священную Римскую империю германской нации. В XV–XVIII веках императорами обычно избирались представители могущественной династии Габсбургов. В XVI веке противоречия феодальной системы достигли крайней остроты. Они усугублялись тем, что возглавляемая римским папой католическая церковь, которая тоже была важной экономической и политической силой, возложила на германский народ большие поборы. Недовольство немцев получило выражение в разных формах: мелкие рыцари враждовали с крупными баронами; крестьяне восставали против своих феодальных угнетателей, широкие слои населения поддерживали движение за реформацию церкви, возглавленное Мартином Лютером. Особенно бурными были двадцатые годы XVI века, когда в основном и происходят события, изображенные в драме.

Вкратце история жизни Геца фон Берлихингена такова. Он родился в 1480 году. С семнадцати лет он служил в войсках разных крупных феодалов. В 1504 году при осаде Ландсгута потерял правую руку. Приобретя взамен искусно сделанную железную руку, он продолжал участвовать в многочисленных войнах. В 1519 году, воюя на стороне Ульриха Вюртембергского против Швабского союза городов, он долго выдерживал осаду города Мекмюля, но вынужден был сдаться. Он выторговал право свободно выйти из города, но враги, воспользовавшись слабостью его отряда, напали на него, взяли в плен и заточили в Гейльбронне, где он просидел около трех лет. Франц фон Зикинген и другие друзья выкупили его за две тысячи гульденов. Когда началась Великая крестьянская война, одна из армий восставших крестьян — Оденвальдская — вынудила его принять командование ею. Общая неорганизованность крестьянского движения и предательство богатых горожан привели в 1525 году к разгрому народного восстания. В 1528 году Геца посадили в тюрьму в Аугсбурге, где он пробыл два года. Отпустили его под честное слово, что он будет безвыездно оставаться в своем замке, не будет пытаться мстить за свое заточение и возместит убытки, понесенные

городами Майнцем и Вюрцбургом от грабежа его войска. В 1542 году, зная его воинскую доблесть, император Карл V пригласил Геца участвовать в войне против турок, подошедших к границам империи. В 1544 году он воевал уже на западе — против Франции. Последние годы жизни Гец провел в своем замке, где и написал мемуары. Он скончался в 1562 году восьмидесяти двух лет от роду.

Создавая драму, Гете отнюдь не строго придерживался жизнеописания своего героя. Он создал образ, в котором некоторые черты исторического Геца — его мужество, независимый характер, ненависть к крупным феодалам, склонность к самоуправству — сочетались с идейными стремлениями передовой бюргерской молодежи конца XVIII века; их жаждой политической свободы, верой в оздоровление человечества посредством возврата к природе. Гете сознательно не стремился к хронологической точности. Воспроизводя колорит эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, Гете, изображая прошлое, стремился выявить в нем то, что было близко немцам XVIII века. Особенно заметны намеренные отклонения от исторических источников в характеристика Геца, который в действительности был далек от того, чтобы служить нравственным образцом. Под пером Гете он становится одним из идеальных выразителей духа «Бури и натиска». Общая характеристика драмы и ее место в творчестве Гете определены во вступительной статье к тому 1 настоящего издания.

Рейтары — солдаты тяжело вооруженной кавалерии в XVI в., часто нанимались из числа иностранцев.

...все должно быть благопристойно и чинно. — Библейское выражение. В речах персонажей драмы встречается немало фраз и изречений из Библии. Чтобы передать колорит языка начала XVI в., Гете пользовался для этой цели Библией в переводе Мартина Лютера.

...брат Мартин. — Гете дал жизнерадостному монаху имя вождя реформации церкви в Германии Мартина Лютера (1483–1546), современника изображаемых в драме событий. При пострижении в монахи имя, данное при крещении, менялось на новое, чем подчеркивалось полное отречение от мирской жизни. Когда монах говорит, что имя Мартин ему нравится больше, он тем самым как бы отрекается от своего монашеского звания. Протестантская реформация церкви сопровождалась уничтожением монашества и монастырей.

Вино веселит сердце человеческое ... — Текст из псалма 104. Там, где ему это выгодно, монах ссылается на Священное писание.

Я иду от святого Фейта... — Имеется в виду монастырь, названный в честь святого Фейта, целителя болезни святого Витта (по-немецки — Фейт).

«*Ave*» и «*Аллилуйя*» — молитвенные песнопения. «*Ave*» — начало гимна «*Ave Maria*» в честь богородицы. «*Аллилуйя*» — «*Слався*» (древнегреч.) — начальное слово гимна, обращенного к всевышнему.

...орден, учрежденный создателем моим! — Подразумевается «орден» человека — самое высокое звание.

Счастлив муж добродетельной жены ... — Изречение из Библии, Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, гл. 26; *...и число дней его сугубое* — то есть срок его жизни долгий.

Я не знаю женицин... — Лица духовного звания, принадлежащие к католической церкви, дают обет целомудрия. Одним из нововведений протестантской религии было разрешение священникам вступать в брак.

О мертвое орудие ... — То есть железная рука Геца.

...храбрый святой . — Имеется в виду Георгий Победоносец — легендарный герой. Предание гласило, что он убил дракона, опустошавшего землю одного языческого царя; для замирения дракона ему отдавали на съедение детей. Когда же он потребовал царскую дочь, явился Георгий Победоносец и сразил его.

...один портной из Штутгарта ... — История, рассказанная здесь, описана в мемуарах Геца.

...жить в своем замке благочестивым христианским рыцарем . — Жена Геца Елизавета желает воспитать сына в духе рыцарских традиций, тогда как сестра героя Мария хочет

привить ему нравственный идеал, соответствующий духу более позднего, близкого Гете времени.

Мы подстерегали его между Нюрнбергом и Бамбергом . — Подробности рассказа рейтара взяты из жизнеописания Геца, но там они относятся к захвату другого лица, графа фон Вальдека.

Поднимаюсь я... с Францем фон Зикингеном... — Гете излагает подлинный рассказ Геца, заменив, однако, Мартина фон Зикингена его прославленным братом Францем.

Ты и это знаешь, кухонных дел мастер? — Сцена подчеркивает различие характеров Геца и его сына Карла. В варианте 1771 г. Гец даже собирался отдать сына в монастырь.

Свободой и благородством рождения ты равен лучшим сынам Германии, ты независим, ты подчинен лишь императору ... — Таким было положение рыцарей-дворян, но к XVI в. мелкое рыцарство утратило экономические позиции и политическую независимость. Оно пыталось отстаивать свои права, поддерживая императора в его столкновениях с крупной светской и церковной феодальной знатью. Именно так ведет себя Гец, тогда как Вейслинген примкнул к той части рыцарства, которая прислуживала феодальным магнатам.

...место придворного шаркуна при своенравном и завистливом попе! — Представители высшего духовенства — епископы, в том числе епископ Бамбергский, — благодаря экономической мощи церкви играли видную роль в политической жизни и, подобно светским властителям, создавали вокруг себя дворы со свитой.

...рыцарей-самоуправцев, которые нападают на их подданных... — Вейслинген намекает на поведение самого Геца.

...земли дражайшего императора нашего находятся во власти заклятого врага... — Имеются в виду турки и французы.

...далекая от нас императорская власть... не в силах защитить себя самое. — Власть императоров была больше номинальной, чем реальной, ибо каждый из многочисленных больших и малых феодалов, входивших в состав империи, являлся неограниченным властителем на своей земле.

Но как обстояло дело с договором о земском мире? — Гец рассказывает в мемуарах, что еще мальчиком сопровождал в 1495 г. своего кузена Конрада фон Берлихингена на всегерманский съезд феодальных князей в Вормсе, где они заключили между собой договор о мире между германскими государствами.

Епископ Бамбергский и др. — Для того чтобы создать образ типичного представителя крупных церковных феодалов, Гете воспользовался именем епископа Бамбергского, характер которого в действительности был иным, чем он представлен в драме. Гете придал ему отрицательные черты, приписанные епископу гуманистом Ульрихом фон Гуттенем в одном из направленных против него памфлетов. Приближенные епископа — аббат фульдский и Олеарий — не являются историческими лицами, как и Либетраут. Образ последнего навеян фигурой смелого задиры и весельчака Меркуцио из «Ромео и Джульетты» Шекспира.

Много ли немецких дворян обучается теперь в Болонье? — В этом городе на севере Италии находится один из старейших университетов Европы. Его юридическая школа возникла в XI в. и стала основой для развития юридических наук. Сюда съезжались учиться правоведению со всей Европы.

Особенно славится стойкостью на диспутах. — Как профессора, так и их ученики упражнялись в науках посредством диспутов на различные темы, что служило подготовкой для будущего участия юристов в судах.

Corpus iuris (точнее: *Corpus iuris Justinianus*) — свод гражданских законов Юстиниана, императора Византии, в VI в. подчинившей своей власти Италию и Северную Африку; по его указанию был составлен свод законов, представляющих так называемое римское право. Изучение его в Болонье содействовало распространению римского права во всей Европе, в частности, с конца XV в. в Германии.

Глоссы — комментарии и толкования, разъяснявшие и дополнявшие законы.

Значит, там есть и все десять заповедей? — Кодекс нравственного поведения,

изложенный в Ветхом завете, включает правила: не убий, не укради и др. Аббат обнаруживает свое невежество, предполагая, что эти правила входят в свод законов. Следующая реплика Олеария: *«Implicite, конечно, но не explicite»* — с переводом латинских слов означает: «Это подразумевается, но не сказано впрямую», то есть десять заповедей в тексте не содержатся, но необходимость следования им сама собой разумеется.

...когда чернь прослышала, что я юрист, то чуть камнями меня не побил. — Здесь и в следующей реплике Олеария имеется в виду перемена в организации судебного дела в Германии. Издавна существовали местные суды так называемых шоффенов (шеффенов), которые, как точно говорит Олеарий, судили «на основании старых обычаев и немногих статутов». Введение римского права под влиянием гуманизма первоначально встречало отпор сторонников старых обычаев. Однако в XVII в. суд шоффенов стал исчезать.

При коронации императора Максимилиана... — Ошибка: Максимилиан I был избран королем во Франкфурте в 1486 г., но первая коронация императора произошла во Франкфурте в 1564 г., когда там короновали Максимилиана II. Мальчиком Гете наблюдал коронацию германского императора, что описано им в «Поэзии и правде» (см. т. 3 наст. собр. соч., кн. 5).

Но мне было неудобно начертать имя это на латинских моих писаниях... — В эпоху Возрождения и вплоть до XVIII в. было принято переводить свои фамилии на латинский язык. В частности, дед Гете переименовал свою фамилию Вебер (ткач) на латинскую — Текстор.

Несть пророка в отечестве своем. — Перефразированное изречение из Библии (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57).

Так чтобы попасть в надлежащее место. — То есть туда, где легко получить ученую степень, не обладая ученостью.

Возле Франкфурта есть урочище, зовется Саксенгаузен... — Горожане Франкфурта считали жителей местечка Саксенгаузен неотесанными мужланами. Это и хочет сказать Либетраут по адресу Олеария, но тот либо не понимает, либо делает вид, что не понял намека.

Не угодно ли вашему высокопреподобию прогуляться по саду? «Post coenam stabls seu passus mille meabis». — Это изречение взято из врачебных предписаний средневековой медицинской школы в Салерно. Для сценического варианта «Геца» Гете сделал перевод этой фразы на немецкий: «После обеда постой час или сделай тысячу шагов».

...Самсон, потерявший свои кудри. — Сила библейского богатыря была в волосах; он ее лишился, так как Далила, его жена, когда он заснул, обрезала их.

Я жила у нее до шестнадцати лет... — В средние века девочки и мальчики — преимущественно из знатных семей — получали воспитание и образование в монастырях, оставаясь там до четырнадцати — шестнадцати лет; после этого они должны были покинуть монастырь либо постригаться в монахи и монахини.

Франкония — благословенная страна. — Франкония — область вдоль рек Рейн, Неккар, Майн — получила свое название от франков, населявших ее в средние века; некогда была независимым герцогством; в конце средних веков восточная часть ее подпала под власть епископа. Франкфурт-на-Майне — родина Гете — находился во Франконии, но во времена Гете был вольным имперским городом со своим самоуправлением. Эта и последующие восторженные речи Вейслингена и Геца отражают любовь Гете к его родному краю.

...чем слышать от слонов, коней и прочей твари... — Здесь — наименование шахматных фигур.

...in usum Delphini (лат.) — «Для того чтобы этим пользовался дофин», наследник короля во Франции, иначе говоря для детей. Такая надпись ставилась на изданиях античных классиков в XVII в., и это означало, что текст соответственно отредактирован. В устах Либетраута, человека XVI в., выражение является анахронизмом.

Тут не увернется никакой Вейслинген. — В подлиннике: Вейслинг (Weissfish — рыба-уклейка); Либетраут употребляет выражение, подобное русскому: «Тут никакой угорь не увернется» (М. Розанов).

Имперские города вечно заодно с попами. — Развитие городов и рост богатства буржуазии в конце средних веков привели к тому, что некоторые наиболее богатые торго-

ремесленные центры вышли из-под зависимости феодалов и стали самоуправляющимися единицами, подчинявшимися непосредственно императору. К числу таких вольных имперских городов принадлежали Аахен, Кельн, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Ульм, Нюрнберг Регенсбург и др. Буржуазия этих городов побаивалась народа и во время восстаний мелкого рыцарства и крестьян в XVI в. поддерживала крупных светских и церковных феодалов.

Дети и дураки... — Продолжение изречения: «...говорят правду». См. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», акт II, сц. 5.

Тейерданк — герой рыцарского романа в стихах, авторство которого приписывается императору Максимилиану I. В романе описано обставленное по всем правилам рыцарства сватовство императора к Марии Бургундской, ставшей его женой. Книга была напечатана в 1517 г.

Рюбецаль — фантастический образ немецких народных преданий, горный дух, обитающий в горах Силезии и Богемии (Чехии), олицетворение непогоды; по повериям, добр, но вспыльчив, помогает хорошим и причиняет неприятности злым людям.

Антистрофа — часть партии хора в древнегреческой трагедии; одно полухорие исполняло строфу, другое в ответ — антистрофу. Адельгейда упоминает далее *метафору* — слово или выражение, употребляемое в переносном смысле. Эти слова и латинское *квинтэссенция* свидетельствуют о том, что Адельгейда получила образование в духе классической филологии, возникшей в эпоху Возрождения. К тому же она упоминает и *Феникса* — священную птицу Древнего Египта, похожую на орла; по легенде, Феникс раз в несколько столетий прилетает умирать, но после того, как его сжигают, он возрождается из пепла.

...пока вытянешь у судейских париков решение . — Ношение париков возникло в древности и стало распространяться в Западной Европе в XVI в.; как обязательная часть костюма высокопоставленных лиц и судейских чиновников утверждается в XVII в.

Ассессор Сапути . — Ассессор — заседатель, участник судопроизводства, влиявший на решение суда; в данном случае итальянец, видимо, приглашенный на должность за знание законов. Имя, выбранное Гете, анаграмма (слово с переставленными буквами) имени действительного лица — ассессора Папиуса, современника Гете, уличенного во взяточничестве.

Прокуратор — здесь: доверенное лицо, защищающее интересы клиента, адвокат.

Шнейер — с XIII в. вольный имперский город в округе Пфальц, в XVI в. был местом сбора имперских князей, здесь же находился имперский суд.

...он будет защищаться, как дикий вепрь! — Взято из «Жизнеописания» Геца: «И был я среди них, как вепрь дикий среди псов...»

...договорился с пфальцграфом пойти против Конрада Шотта . — Пфальцграф — владетельный князь прирейнской области Пфальц. Конрад Шотт — рыцарь-разбойник под стать историческому Гецу (в отличие от героя драмы Гете). Эпизод борьбы против него почти дословно взят из записок Геца.

Лерзе . — Гете дал этому персонажу имя своего страсбургского друга — Франца Лерзе.

Ремлин . — Местности с таким названием нет; либо описка Гете (вместо Ремлинген), либо выдуманное название.

Я уволился по нужде... живот схватило... — Деталь, заимствованная из «Жизнеописания» Геца, введена Гете для усиления прозаического бытового колорита.

...злой дух, которого капуцин загнал заклятиями в мешок . — Капуцин — католический монах францисканского ордена, название произошло оттого, что эти монахи носили плащ с капюшоном.

Подумай о присланных комиссарах — то есть о представителях имперского суда; это было намеренным отклонением Гете от «Жизнеописания» Геца, где говорится, что он попал в руки Швабского союза.

От этого зрелища и ангелы заплакали бы . — Ср. у Шекспира в «Мере за меру»:

«Человек, что облечен // Минутным кратковременным величьем // И так в себе уверен, что не помнит, // Что хрупок, как стекло, — он перед небом // Кривляется, как злая обезьяна, // И так, что плачут ангелы над ним...» (акт II, сц. 2).

Осел правосудия! Таскает мешки его на мельницу и навоз на поле. — Гец прибегает к иносказанию для того, чтобы сказать о нечестности судейских чиновников. В средние века правилами гигиены предписывалось не перевозить на одном и том же осле зерно и навоз.

Ратсгеры Гейльброна. — Ратсгеры — городские советники, члены местного органа самоуправления. Гейльброн — город в герцогстве Вюртемберг, где находился в заточении Гец. Сохранилась башня, в которой он содержался, названная позднее башней Геца фон Берлихингена.

Кузнецы, кладовщики, плотники... — Членами местного самоуправления были представители ремесленных цехов.

Я ни в чем не повинен перед его императорским величеством, а до империи мне дела нет. — Гец признает личную власть императора; империи как государственного объединения он не признает. По старинному феодальному обычаю он подчиняется лишь лично государю, что подчеркивается и в его следующей реплике: «Сделал ли я хоть шаг против императора или против царствующего дома Австрии».

Если б ты не носил изображения императора... — Советник носит на цепи медаль с изображением императора.

Удалитесь, Гец! — В подлиннике отсутствует ремарка об уходе Геца со сцены. Он возвращается после слов Советника: «Введите Геца».

Иди, скажи ему, чтобы он тотчас же вторгся в город ... — В действительности Гецу пришлось пробыть в заточении три с половиной года, его освободили в 1522 г.

Замок Адельгейды. — В первом варианте драмы объяснение между Адельгейдой и Вейслингеном происходило в ее замке, но, перерабатывая произведение, Гете внес изменения в этот эпизод; судя по всему, действие здесь происходит теперь в резиденции императорского двора в Аугсбурге.

...Карл, его прекрасный наследник ... — Будущий император Карл V в действительности появился в Германии лишь в 1520 г., через два года после смерти Максимилиана I.

Так закончи свои записки, которые ты начал. — Гец стал писать воспоминания более чем тридцать лет спустя, в 1557 г.

...появилась грозная комета ... — Кометы считались предвестием больших бедствий.

...смерть императора... Крестьяне подняли ужасное восстание. — Для концентрации действия Гете сблизил два одновременных события: Максимилиан I умер в 1519 г., крестьянское восстание началось в 1525 г.

Крестьянская война. — В изображении крестьянского восстания Гете следовал «Жизнеописанию» самого Геца и другим историческим источникам. Он воспользовался также, как художественным образцом, сценами народного мятежа у Шекспира в «Генрихе VI» (часть вторая). Имена вожаков восстания — подлинны, они взяты Гете из записок Геца.

Ты видел большую комету? — Описание кометы взято из хроники Себастьяна Франка (1531), рассказывающей о комете 1527 г. именно с такими приметам, какие воспроизведены в реплике Мецлера: «как согнутая рука с мечом — вся кроваво-желтая» и т. д.

Значит, я должен нарушить мое рыцарское слово, данное императору, и самовольно выйти из заточения? — Для придания большего драматизма решению Геца Гете сгустил краски: в действительности Гец в это время был на свободе и не был связан никаким обязательством.

Ты приходишь с миром? — Библейское выражение, странное в устах предводителя цыганского табора.

Схвачен, как бунтовщик, как злодей, брошен в глубочайшее подземелье. — Начиная с захвата Геца в плен, Гете отступает от фактов, изложенных в «Жизнеописании», для того чтобы достигнуть сжатости действия и усилить драматизм событий. В действительности по окончании крестьянской войны 1525 г. Гец вернулся в свой замок и лишь через три года был

вызван в суд, оправдавший его.

Здесь подписан смертный приговор твоему брату! — Все последующие события — полностью плод творчества Гете, придавшего судьбе героя трагический исход.

Судьи тайного судилища. Все в масках. — Тайные судилища Фемы (происхождение названия не установлено) существовали в Германии в средние века. Они предназначались для тех нарушителей, которые не являлись в обычный, так называемый свободный суд. Для большего драматизма Гете сгустил краски. На самом деле суды Фемы происходили днем, в открытом месте, судьи были без масок, женщин они не судили, в качестве высшей меры применялось только повешение (но не меч, как у Гете).

Мир — темница. — Ср. «Гамлет», акт II, сц. 2: «Дания — тюрьма», «...Весь мир — тюрьма».

А. Аникст